

№ 9.
1950.

**СУДЕБНАЯ
ПРАКТИКА
ВЕРХОВНОГО СУДА
СССР**

СПбГУ

9

1 9 5 0

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

1950

№ 9

Сентябрь

РУКОВОДЯЩЕЕ УКАЗАНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

О СУДЕБНОМ ПРИГОВОРЕ

Постановление Пленума от 28 июля 1950 г. № 13/9/у

Вынесение судебного приговора, подводящего итог рассмотрению дела в суде, составляет важнейшую часть судебного процесса. Являясь актом социалистического правосудия, приговор имеет огромное воспитательное и общественно-политическое значение.

Постановленный с соблюдением закона, на основе тщательного разбора доказательств по внутреннему убеждению судей, в соответствии с высокими принципами коммунистической морали, приговор содействует укреплению социалистической законности и социалистического правопорядка.

Судебная практика показывает, что судебные органы в своем подавляющем большинстве правильно понимают это важное значение приговора. Однако некоторые суды еще не всегда с должным сознанием ответственности подходят к вынесению приговора — не дают в необходимых случаях политической оценки

по делу, не приводят юридических оснований принятого решения по приговору, не соблюдают всех требований уголовно-процессуального законодательства — и лишают тем самым приговор необходимых качеств акта социалистического правосудия.

Согласно ст. 334 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик приговор должен содержать точную формулировку обвинения с указанием всех обстоятельств дела, определяющих сущность совершенного преступления. В ряде случаев приговоры не удовлетворяют этому требованию и не содержат указания на конкретные действия, в которых признается виновным подсудимый.

Так, например, Верховный суд Латвийской ССР осудил Шуйкова, Наточенного, Фарбера и др. по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного

имущества». Все они признаны виновными в том, что, работая заготовителями артели, занимались расхищением и присвоением материальных ценностей и составлением фиктивных закупочных квитанций и актов. Суд не конкретизировал в приговоре вину каждого подсудимого в отдельности, хотя, как видно из дела, каждый из них обвинялся по различным эпизодам обвинения и суду надлежало указать в приговоре, в чем именно признан виновным каждый из подсудимых.

По приговору народного суда Краснопресненского района г. Москвы, оставленному в силе Московским городским судом, Минашкин и Малахов были осуждены по ст. 109 УК РСФСР по обвинению в том, что, работая на одной из баз, они допустили недостачи и излишки вверенных им материальных ценностей. Признавая подсудимых виновными в злоупотреблении служебным положением, суд не указал в приговоре, в чем конкретно выразилось это злоупотребление и какие признаки его установлены судом.

По делам о хищениях государственного и общественного имущества суды иногда в своих приговорах, вместо установления фактов хищения и обстоятельств, при которых они были совершены, ограничиваются лишь указанием суммы расхищенного имущества. Вместо указания фактов и способов хищения, суды ограничиваются неопределенным указанием на имевшее место «разбазаривание» имущества, вследствие чего не может быть правильно разрешен вопрос о виновности лица и не может быть дана необходимая юридическая квалификация.

Согласно ст. 23 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик суд основывает свой приговор на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. На практике же встречаются случаи, когда суды основывают приговор на материалах предварительного следствия, которые не были предметом рассмотрения на суде.

Согласно той же статье 23 Основ, оценка имеющихся в деле доказательств производится судьями по их внутреннему убеждению, основанному на рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности. Осуществление этого требования закона обеспечивается, в частности, и тем, что судебный приговор должен быть мотивирован, т. е. должен содержать в себе изложение обоснованных материалами дела доводов, положенных судом в основу своего решения. Такое требование вытекает и из ст. 15 Закона о судостроительстве, возлагающей на вышестоящий суд при рассмотрении дела в кассационном порядке проверку законности и обоснованности приговора.

Между тем, судебная практика показывает, что суды в ряде случаев не выполняют этого требования.

Калужский областной суд осудил по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. группу работников «Заготзерно» — Жиздринского и др., признав их виновными в систематическом расхищении зерна с базы. Хотя большинство подсудимых отказалось на суде от показаний, данных на предварительном следствии, суд, основывая свой приговор на этих показаниях, не проверенных должным образом на суде, не указал в приговоре мотивов, по которым он пришел к выводу о виновности подсудимых.

По делу Зарипова, осужденного народным судом 2-го участка Дзержинского района г. Казани за хищение спирта, суд не только не указал в приговоре, чем доказана вина осужденного, но — в противоречие со своим конечным выводом — отметил в приговоре, что Зарипов взял спирт с разрешения начальника, полагая, что он его получает на законном основании за свою работу. При такой формулировке в действиях Зарипова отсутствует состав преступления.

В некоторых приговорах отсутствует обоснование квалификации преступления, нет ссылок на соответствующие статьи УК и УПК или иных законов.

Назначая наказание ниже низшего предела, указанного в законе, или применяя условное осуждение (ст. ст. 51 и 53 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик), судьи не всегда указывают мотивы, вызвавшие отступление от требований санкции, установленной законом за данное преступление, или применение условного осуждения.

До сих пор в судебной практике встречаются случаи неряшливого оформления судебных приговоров, недопустимого для актов социалистического правосудия.

При рассмотрении дел в кассационном порядке и в порядке надзора вышестоящие суды часто не реагируют на недостатки приговоров и не принимают мер к исправлению ошибок, допущенных судом первой инстанции.

В целях устранения указанных серьезных недостатков Пленум Верховного суда СССР постановляет дать судам следующие указания:

1. При вынесении приговора суды должны учитывать его важнейшее значение как акта социалистического правосудия, требующего от судей сознания особой ответственности за его правильное политическое содержание, законность и обоснованность.

2. Каждый приговор по делу должен содержать в себе конкретные ответы на вопросы, которые суд обязан поставить на свое разрешение при постановке приговора согласно ст. 320 УПК РСФСР и соответствующим статьям УПК других союзных республик.

В соответствии с указанными статьями УПК в приговоре должно содержаться разрешение вопросов о том, имело ли место действие или бездействие, приписываемое подсудимому, и содержит ли оно в себе состав преступления, совершено ли это деяние подсудимым, подлежит ли он за учиненное деяние наказанию и какому именно. В приговоре должны также найти разрешение вопросы, связанные с гражданским иском, вещественными доказательствами и судебными издержками.

3. При составлении приговора суды должны строго выполнять требования, предусмотренные ст. 334 УПК РСФСР и соответствующими статьями УПК других союзных республик.

При этом в случае признания подсудимого виновным приговор должен содержать конкретные указания, какие именно преступные деяния совершил подсудимый, время, место и способ совершения преступления, а также все иные обстоятельства, имеющие отношение к совершению преступления.

В тех случаях, когда по делу проходит несколько подсудимых, обвиняемых по различным эпизодам обвинения, все изложенные выше указания должны быть приведены в приговоре в отношении каждого из подсудимых.

4. В соответствии со ст. 23 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик приговор должен быть основан на имеющихся в деле данных, рассмотренных в судебном заседании. Поэтому данные предварительного следствия должны быть рассмотрены и проверены судом в процессе судебного следствия, и только такие данные могут быть положены в основу приговора.

Учитывая, что уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик предоставляют право суду основывать приговор также на данных, имеющихся в деле, но не рассмотренных в судебном заседании (ст. 396 УПК РСФСР—в отношении областных и приравненных к ним судов, ст. 296 УПК УССР и др.), разъяснить судам, что в силу ст. 20 Конституции СССР суды должны строго руководствоваться ст. 23 Основ уголовного судопроизводства, не допуская отступлений, предусмотренных в указанных статьях УПК союзных республик.

5. В приговорах должны быть приведены мотивы, на основании которых суд пришел к выводу о виновности или невиновности в отношении каждого подсудимого.

При этом должны быть конкретно указаны доказательства, положенные судом в основу обвинения или оправдания подсудимого, с приведением мотивов, почему суд принял эти доказательства. Отвергая те или иные имеющиеся в деле доказательства в пользу обвинения подсудимого или его оправдания, суд должен в приговоре указать, почему именно эти доказательства им отвергнуты.

Так, при вынесении обвинительного приговора в последнем должно быть указано, почему судом отвергнуты объяснения подсудимого в его защиту, а также другие оправдывающие его доказательства. При вынесении оправдательного приговора должны быть изложены обстоятельства, опровергающие выводы обвинительного заключения и указанные в нем доказательства, на которых оно основано.

6. Указать судам на необходимость юридического обоснования приговоров со ссылкой на соответствующие уголовные и уголовно-процессуальные законы.

Обратить при этом особое внимание на квалификацию преступления с приведением в приговоре мотивов применения соответствующей статьи УК или иного уголовного закона.

7. При рассмотрении дела в кассационном порядке или в порядке надзора суды должны обращать особое внимание на соответствие приговоров требованиям закона, с учетом указаний настоящего постановления, и принимать меры для исправления допущенных нижестоящими судами ошибок путем отмены или изменения приговоров, вынесенных с нарушением закона, с мотивированным указанием в определениях на допущенные судом нарушения.

В тех случаях, когда допущенные нарушения не требуют отмены приговора (ст. ст. 416, 419, 419-а, 439 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик), вышестоящие суды обязаны в частных определениях указать судам на допущенные ими нарушения при вынесении приговора.

Пленум Верховного суда СССР считает необходимым подчеркнуть, что верховные суды союзных республик, на которые Конституциями союзных республик и ст. 45 Закона о судеустройстве возложен надзор за судебной деятельностью всех судов союзных республик, являются особо ответственными за обеспечение законности и обоснованности приговоров, выносимых судами первой инстанции.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ОТДЕЛЬНЫМ ДЕЛАМ

1. НЕЗАКОННАЯ БЕЗВОЗМЕЗДНАЯ ПЕРЕДАЧА ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ВВЕРЕННОГО ЕМУ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА В СОБСТВЕННОСТЬ ДРУГОМУ ЛИЦУ ДОЛЖНА КВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ ПО УКАЗУ ОТ 4 ИЮНЯ 1947 г., ХОТЯ БЫ ПЕРЕДАЮЩИЙ И НЕ ДЕЙСТВОВАЛ ИЗ КОРЫСТНЫХ СООБРАЖЕНИЙ

*Дело Лаврентьева. Постановление Пленума от 23 июня
1950 г.*

По приговору линейного суда Верхневолжского бассейна, оставленному в силе определением Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР, Лаврентьев в числе других был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к 10 годам заключения в исправтрудлагерях с поражением в правах на 2 года без конфискации имущества. По этому же приговору были осуждены Павлов и Чирков.

Приговором по настоящему делу установлено, что Павлов и Лаврентьев, работая шкиперами барж, во время стоянки у пристани Казань совершили из вверенного им груза хищение 72 кг ржи, — в том числе Павлов 65 кг, а Лаврентьев 7 кг,— и все зерно передал шкиперу Чиркову по просьбе последнего. Кроме того, при обыске у Павлова было обнаружено 85 кг ржи, также похищенной им ранее из груза.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Пленум находит, что приговор в отношении Лаврентьева подлежит изменению по следующим основаниям:

Как видно из дела, в каюту баржи, где находились два шкипера — Павлов и Лаврентьев, явился их знакомый Чирков и попросил отпустить ему ржи. Обе баржи, шкиперами которых являлись Павлов и Лаврентьев, были загружены рожью.

Павлов на отпуск ржи дал согласие и отпустил 65 кг, а Лаврентьев в таком отпуске первоначально отказал, заявив Чиркову, как это показал последний, что ржи он не даст, так как это будет преступлением. После того, однако, как Чирков стал настойчиво домогаться отпуска ржи, Лаврентьев отпустил ему 7 кг. ржи, но на следующий же день сам заявил в милицию как о своем преступлении, так и о преступлении Павлова и Чиркова, что подтверждается имеющейся в деле справкой оперуполномоченного.

При всех указанных обстоятельствах следует признать, что действия Лаврентьева неправильно квалифицированы по ст. 2 упомянутого Указа, так как размер хищения, а также отсутствие других квалифицирующих признаков не давали оснований для применения указанной статьи.

Вместе с тем, учитывая незначительный размер хищения, а также

другие изложенные выше специфические обстоятельства, при которых оно было совершено, и, в частности, отсутствие личной корыстной заинтересованности у Лаврентьева, Пленум находит возможным применить к нему ст. 51 УК РСФСР.

Ввиду изложенного Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Переквалифицировать действия

Лаврентьева на ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», определив ему наказание в один год шесть месяцев лишения свободы без поражения в правах и без конфискации имущества, с зачетом времени, отбытого под стражей

2. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, ТАК КАК ПО ДЕЛУ НЕ ИССЛЕДОВАН РЯД ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИМЕЮЩИХ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ВОПРОСА О ВИНОВНОСТИ ПОДСУДИМОГО

Дело Агаджаняна. Постановление Пленума от 23 июня 1950 г.

По приговору суда, оставленному в силе определением Коллегии Верховного суда СССР, бывший старший конюх склада Агаджанян осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Приговором Агаджаняну вменено в вину, что, пользуясь бесконтрольностью со стороны заведующего складом Тевосяна, также осужденного по делу, он систематически расхищал и разбазаривал фураж, отпускаемый для лошадей, а также присваивал строительный материал, принадлежащий складу. Конкретно Агаджанян признан виновным в следующем:

1. В декабре 1948 г. складом было передано колхозам четыре выбракованных лошади, однако до июля 1949 г. для этих лошадей продолжали получать фураж, который Агаджанян безучетно расходовал, а частично присваивал и употреблял на кормление принадлежащих ему лично и содержавшихся при складе двух коров, лошади, жеребенка, 36 гусей, 30 кур и до 100 штук цыплят.

Из присвоенного Агаджаняном фуража им было в марте 1948 г. продано конторе «Заготскот» 500 кг сена за 600 руб.

Полученные в марте 1948 г. складом 300 кг овса Агаджанян израсходовал не на кормление лошадей, а обменял его на ячмень, который был засеян на земельном участке, принадлежащем складу. Урожай ячменя без учета был роздан работникам склада, а часть его присвоена Агаджаняном.

Ревизией установлена недостача фуража, за который несет ответственность Агаджанян, на сумму 7145 р. 88 к.

2. Из полученных в начале 1949 г. и не оприходованных по складу 20 куб. м строительного леса Агаджанян 12 638 куб. м израсходовал на нужды склада, а остальное количество этого леса присвоил.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Пленум находит, что приговор суда и определение Коллегии в части, касающейся Агаджаняна, подлежат отмене, а дело направлению на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования по следующим основаниям:

1. Действия, за которые Агаджанян привлечен к уголовной ответственности, не имеют отношения к преступлениям, совершенным работниками склада Баландиным, Алейниковым и др., осужденными по настоящему делу.

Из дела видно, что Агаджанян привлечен к уголовной ответственности по этому групповому делу в нарушение ст. 5 Временных Правил производства предварительного расследования по уголовным делам Грузинской ССР только потому, что в процессе расследования дела поступили анонимные письма о якобы совершенных им злоупотреблениях.

Материалами дела установлено, что Агаджанян, работая конюхом при складе, имея на своем иждивении жену и шестерых малолетних детей, в разное время 1948 г. и до апреля-мая 1949 г. на территории хозяйственного двора склада держал принадлежавшие ему: лошадь, жеребенка, корову и домашнюю птицу.

Лошадь, жеребенка и корову Агаджанян содержал не одновременно и при этом непродолжительное время и с согласия заведующего складом Тевосяна. Когда же Тевосян запретил держать жеребенка и корову на территории хозяйственного двора, Агаджанян немедленно выполнил его указание.

Ссылка в определении Коллегии на показания свидетелей Кибалова, Черниковой Е. и Черникова Т., как на доказательство виновности Агаджаняна в незаконном содержании при складе принадлежавших ему скота и домашней птицы и расходовании на них складского фуража, не соответствует материалам дела.

Основной свидетель обвинения Кибалов, давший в судебном заседании путаные и противоречивые показания, вынужден был признать, что заведующий складом Тевосян знал, что Агаджанян содержит при складе свой скот и домашнюю птицу и «как видно было, не препятствовал этому».

Тот же Кибалов в подтверждение того, что Агаджанян расхищал фураж и кормил им свою лошадь, привел следующие неконкретные показания: «Я видел, когда он подсыпал своей лошади овес жестяной банкой емкостью в 3 кг. Если не ошибаюсь,

это было в октябре 1947 г. ...второй раз, примерно в декабре 1947 г., видел, как Агаджанян кормил свою лошадь казенным фуражом».

Других, более убедительных доказательств, он не привел. Больше того, вопреки приведенным показаниям, этот же свидетель суду показал, что скот и птица Агаджаняна паслись у реки Куры и что Агаджанян накопил сена, которым кормил свою корову.

Что же касается свидетелей Черниковой Е. и Черникова Т., то они не подтверждают, как указано в определении Коллегии, а опровергают своими показаниями этот пункт обвинения Агаджаняна.

Так, Черникова Е. подтвердила, что Тевосян знал о том, что Агаджанян на хозяйственном дворе держит принадлежавших ему жеребенка, корову и птицу, которые, как правило, паслись на берегу реки Куры, она же показала, что корм для птицы он приносил из города.

На вопрос председательствующего Черникова ответила: «Я не утверждала, что Агаджанян свою птицу и скотину кормил государственным кормом, если мои показания так сформулированы, то это неправильно».

Свидетель Черников Т. показал, что Агаджанян кормил жеребенка принадлежавшим ему кормом, а затем тот пасся в колхозном табуне. Он же показал, что весной и летом жена Агаджаняна и его дети приходили на склад и ухаживали за птицей и коровами, кроме того, работали на подсобном хозяйстве.

Свидетель Руденко, длительное время работавший конюхом, показал, что лошадь, принадлежавшая Агаджаняну, паслась у реки, что свою лошадь Агаджанян кормил сеном, которое он покупал, так как складские лошади сено не получали; что лично он не видел, чтобы Агаджанян кормил свою лошадь государственным кормом; что лошади складского корма он не давал; что Агаджанян лошадь и корову кормил своим сеном, которое он скопил на

сенокосе, примерно около 4 т; что гусей и гусят Агаджанян кормил перемолотой кукурузой, которую он имел от посева. Характеризуя Агаджаняна, Руденко показал, что он работал больше всех.

Из дела видно, что на хозяйственном дворе склада скот и домашнюю птицу держал не один Агаджанян. Свидетель Кибалов, помимо домашней птицы, там же, где и Агаджанян, содержал двух дойных коз и двух свиней; там же находилась домашняя птица, принадлежавшая Черниковым и другим работникам склада, в том числе и заведующему складом.

Тевосян по этому поводу показал, что он разрешил рабочим склада, в том числе и Агаджаняну, иметь для себя домашнюю птицу; такое разрешение он дал, исходя из того, что условия работы для складских работников довольно трудные, и этим пошел им навстречу,— причем это делается во всех складах.

Таким образом, приведенные доказательства, вопреки определению Коллегии, не подтверждают, а, наоборот, опровергают утверждение о том, что Агаджанян присваивал и расходовал фураж склада на кормление принадлежащего ему скота и домашней птицы.

2. Органами расследования и судом не собраны доказательства виновности Агаджаняна в присвоении и продаже сена, принадлежавшего государству.

Ссылка Коллегии на имевшие место противоречия в показаниях Агаджаняна по этому эпизоду как на единственное доказательство его виновности является несостоятельной.

Материалами дела установлено, что Агаджанян 29 февраля — 1 марта 1948 г. действительно продал конторе «Заготскот» 500 кг сена. Об этом свидетельствуют документы и признание самого Агаджаняна. Однако в деле отсутствуют доказательства того, что Агаджанян продал сено, принадлежавшее не ему лично, как он это утверждает, а складу.

В деле нет ни одного доказательства того, что Агаджанян в феврале

или марте 1948 г. получал где-либо для склада сено, которое он, по бездоказательному утверждению приговора, якобы присвоил и продал.

Вместе с тем имеются показания начальника снабжения Дедыш о том, что в накладной на март месяц 1948 г. было указано и сено, но, поскольку сена не было, оно не было получено. Как правило, сено заменяли на комбикорм.

Что в марте 1948 г. по накладной Агаджаняну не выдавалось сено, Дедыш подтвердил и в другом своем показании.

Не расследован и эпизод с 900 кг овса, и действия Агаджаняна, связанные с этим эпизодом, несомненно квалифицированы следствием и судом по ст. 2 упомянутого Указа.

Как видно из материалов дела, весной 1948 г. для посева на индивидуальных огородах понадобился ячмень. По показаниям Агаджаняна, для этой цели он купил на рынке 32 пуда ячменя, причем 1000 руб. для этого он получил у Тевосяна.

Это обстоятельство Тевосян подтвердил в судебном заседании, сославшись на Бондаренко и Листяк, давших часть этих денег (но не допрошенных по этому поводу).

Вместе с тем имеются показания свидетеля Дедыш о том, что, по просьбе Агаджаняна, он выдал ему в марте 1948 г. в счет апрельского плана 900 кг овса с тем, чтобы постепенно удерживать. Дедыш показывает, что он выдал двухмесячную норму овса в связи с тем, что не только Агаджанян просил его об этом, но и Тевосян.

Признал это обстоятельство и Агаджанян на очной ставке с Дедыш. Он показал, что действительно этот овес получил вперед и, по указанию Тевосяна, израсходовал частично на посев, а частично на корм лошадям.

Таким образом, ни судом, ни следствием окончательно не установлено, где и как Агаджанян приобрел ячмень для посева, а установление этого обстоятельства имеет значение для правильной оценки

его действий. Однако, если даже признать установленным, что Агаджанян полученные им с ведома и согласия начальника отделения склада Тевосяна 900 кг. овса частично обменял на ячмень и засеял вместе с другими работниками склада на общественном хозяйстве, то эти действия не содержат состава преступления, предусмотренного Указом от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», как они квалифицированы органами расследования, судом и Коллегией.

Урожай овса, по показаниям Агаджаняна, свидетелей Кибалова, Руденко и др., распределялся по списку, утвержденному заведующим складом, и, следовательно, утверждение суда, повторенное в определении Коллегии, что урожай ячменя частично без учета был роздан работникам склада, а частью был присвоен Агаджаняном, не соответствует материалам дела.

По списку, утвержденному заведующим складом, Агаджанян получил ячменя несколько больше, чем другие работники (насколько больше, точно не установлено). Однако следует в связи с этим учесть показания свидетеля Руденко о том, что в основном на этом посеве работал он и Агаджанян, что на собственном хозяйстве больше всех работал Агаджанян и «надо отдать ему должное, если бы не он, то мы ничего не могли бы сделать с нашим посевом».

Поэтому выводы суда о том, что обнаруженные у Агаджаняна при обыске десять мешков ячменя являются не теми, которые он получил в результате распределения, а якобы незаконно присвоены им, — основаны только на предположениях, не подтвержденных объективными данными дела.

3. Как и предыдущие эпизоды, совершенно неудовлетворительно исследован вопрос о вине Агаджаняна в присвоении лесоматериала, принадлежащего складу.

Ссылаясь на показания свидетеля Кибалова, на акт осмотра строившегося Агаджаняном дома и на заключение судебно-бухгалтерской экспертизы, Коллегия утверждает, что эти показания и документы якобы свидетельствуют о присвоении Агаджаняном лесоматериала, принадлежащего складу.

Эти утверждения Коллегии являются неосновательными, как неверно и утверждение о том, что протокол обыска фиксирует обнаружение у Агаджаняна бревен, принадлежавших именно складу.

Из материалов дела видно, что в феврале 1949 г. на склад доставили 20 куб. м кругляка, который не был оприходован не по вине Агаджаняна, так как это не входило в его обязанности, а по вине других лиц.

Установлено, что когда лес был передан под ответственность Агаджаняна, то последний сдал его по документу на лесопильный завод для распиловки. Полученные с завода доски были обращены на нужды склада: на постройку конюшни, на ремонт кузова автомашины, на скаты с железнодорожных вагонов и др.

В частности, актом от 12 августа 1949 г. установлено, что на постройку конюшни и на изготовление кузова автомашины было израсходовано 10,218 куб. м пиломатериалов.

Вопреки несомненному факту, что при изготовлении из кругляка досок (пиломатериала) неминуемо получают отходы (в чем можно убедиться, в частности, из сообщения лесозавода, документально утверждающего, что из 11,78 куб. м кругляка у них вышло лишь 6,989 куб. м пиломатериала), — органы расследования, суд и Коллегия не посчитались с этим обстоятельством и не предложили экспертам подсчитать, сколько же кубометров кругляка составляет этот израсходованный пиломатериал.

Совершенно произвольно к 10,218 куб. м израсходованного пиломатериала суд добавил объем 11 шт. кругляка (2,42 куб. м), возвращен-

ного с лесопильного завода после ареста Агаджаняна, и получил цифру в 12, 638 куб. м, которые он и признал израсходованными на нужды склада. Остальные же 7,362 куб. м лесоматериала суд признал присвоенными Агаджаняном, несмотря на то, что это не подтверждается объективными данными дела.

Помимо указанного, израсходованного и возвращенного складу леса, из показаний Черникова Т. видно, что и он получил четыре штуки кругляка, которые выдал ему Агаджанян на постройку, а свидетель Кибалов показал, что из 20 куб. м лесоматериала был изготовлен один большой ящик в виде мерки и сделана перегородка в старой конюшне.

Таким образом, у органов расследования и суда не было никаких объективных доказательств виновности Агаджаняна в присвоении лесоматериала, принадлежавшего складу. Основанием же для вменения ему в вину этого эпизода послужили голословные утверждения свидетеля Кибалова, что работники склада говорили, будто Агаджанян отвез к себе домой несколько штук бревен, и обнаруженные при обыске

у Агаджаняна три бревна и 35 шт. досок.

Между тем из материалов дела видно, что Агаджанян занялся постройкой дома на основании договора о праве застройки, выданного ему местным коммунальным отделом, он же получил право на получение ссуды в размере 10 000 руб. и задолжен до событий, за которые привлечен к ответственности, собирал материал для постройки дома.

Об этом свидетельствуют показания свидетелей (Челидзе, продавшей Агаджаняну принадлежавшие ей три бревна, и Шокарджан, продавшего Агаджаняну доски) и справка лесозавода о том, что еще в октябре 1947 г. Агаджанян распилил на заводе для себя 3 куб. м леса.

Из изложенного видно, что вопрос о расходовании 20 куб. м кругляка, а также обвинение Агаджаняна в присвоении части лесоматериала подлежат исследованию.

Исходя из всего изложенного, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор суда и определение Коллегии Верховного суда СССР в отношении Агаджаняна отменить и дело направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

3. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН КАК ОСНОВАННЫЙ НА МАТЕРИАЛАХ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, НЕ НАШЕДШИХ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ НА СУДЕ

Дело Позднякова. Постановление Пленума от 7 июля 1950 г.

По приговору суда, оставленному в силе определением Коллегии Верховного суда СССР, Поздняков в числе других был осужден по ст. 17 УК РСФСР и ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Поздняков признан виновным в том, что он вместе с осужденным Ярцевым подстрекал Иванову и Романюк, также осужденных по этому

делу, совершить хищение овцы в колхозе «Север». Похищенную Ивановой и Романюк овцу Поздняков и Ярцев закололи, а мясо поделили между всеми участниками хищения.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Пленум находит, что приговор суда и определение Коллегии подлежат отмене, а дело в отношении Позднякова прекращению.

Приговор в отношении Позднякова основан исключительно на материалах предварительного следствия,

не нашедших своего подтверждения на судебном заседании.

Осужденные по делу Романюк, Иванова и Ярцев изменили свои показания, данные ими на предварительном следствии, и на суде показали, что ни в хищении овцы, ни в забое ее Поздняков участия не принимал.

Свидетели Мясников и Савин на судебном следствии показали, что Поздняков в ночь хищения овцы на-

ходил с ними в помещении, а днем ходил в поселок за продуктами.

Считая по изложенным основаниям обвинение Позднякова недоказанным, Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Приговор суда и определение Коллегии Верховного суда СССР в отношении Позднякова отменить и дело о нем производством прекратить.

4. ПОЛУЧЕНИЕ РАБОТНИКОМ ТРАНСПОРТА ПРЕМИАЛЬНОГО ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ОТ КЛИЕНТА ЗА ВЫПОЛНЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫХ ОПЕРАЦИЙ ДОЛЖНО КВАЛИФИЦИРОВАТЬСЯ КАК ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

Дело Захарова. Постановление Пленума от 7 июля 1950 г.

(Извлечение)

По приговору линейного суда Тихоокеанского бассейна Захаров был осужден по ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» по совокупности.

Определением Водно-транспортной коллегии Верховного суда СССР приговор оставлен в силе.

Захаров признан виновным в том, что, работая капитаном буксирного катера Владивостокского портового флота, он самовольно в корыстных целях заключил с комбинатом частную сделку на буксировку из Владивостока шести несамоходных судов, за что получил от комбината 12 тыс. руб. и эти деньги присвоил.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Пленум находит, что приговор линейного суда и определение Водно-транспортной коллегии по делу Захарова подлежат изменению по следующим основаниям:

Как устанавливается из материалов дела, буксирный катер был сдан Владивостокским портовым флотом комбинату в пользование с почасовой оплатой за его эксплуатацию. О производимой буксировке шести барж, принадлежавших комбинату, было известно начальнику портового флота и капитану Владивосток-

ского торгового порта, и за произведенную буксировку этих барж портовым флотом с комбината был получен фрахт, исходя из почасовой эксплуатации буксира.

Буксировка шести барж была разрешена капитаном порта Скорубским после того, как комбинатом были выданы гарантийные письма о принятии на себя ответственности в случае гибели барж вследствие стихии.

Свидетель Скорубский по этому поводу показал на суде, что он дал разрешение на буксировку барж после того, как Захаров согласился произвести буксировку, а комбинат выдал гарантийные письма.

Из материалов дела устанавливается также, что комбинат вел с Захаровым переговоры о буксировке шести барж на условиях уплаты ему премии в сумме 2 тыс. руб. за каждую благополучно доставленную к месту назначения баржу и что Захаров согласился буксировать баржи на условиях, предложенных ему комбинатом.

Управляющий владивостокской конторой комбината Альбинецкий, допрошенный по этому делу в судебном заседании в качестве свидетеля, показал, что он вел с Захаровым переговоры о буксировке шести барж на условиях уплаты ему премиального вознаграждения в

сумме 2 тыс. руб. за каждую баржу и что после благополучной доставки барж к месту назначения Захарову была выплачена премия в сумме 12 тыс. руб. Свидетель подтвердил суду, что в целях документального оформления выплаты премии им самим было составлено трудовое соглашение, а Захаров по его просьбе подписал это трудовое соглашение.

Таким образом, материалами дела подтверждается, что осужденный Захаров действительно получил 12 тыс. руб. как премию за благополучно доставленные им к месту назначения шесть барж и что портовый флот за буксировку этих барж

в свою очередь получил с комбината полагающийся фрахт.

При указанных обстоятельствах незаконные действия Захарова, развившиеся в получении от клиента не предусмотренной законом премии в сумме 12 тыс. руб., судом неправильно квалифицированы по ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г., так как в данном конкретном случае, в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 20 апреля 1934 г. (СЗ СССР 1934 г. № 21, ст. 172), действия Захарова надлежало квалифицировать как получение взятки по ст. 117 УК РСФСР.

Б. ПРИЗНАВ НЕПРАВИЛЬНЫМ НАКАЗАНИЕ, НАЗНАЧЕННОЕ ПО ПРИГОВОРУ, И СЧИТАЯ НЕОБХОДИМЫМ ПЕРЕДАТЬ ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ДЕЛО НА НОВОЕ РАССМОТРЕНИЕ, ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД ДОЛЖЕН ОТМЕНИТЬ ПРИГОВОР В ЦЕЛОМ, А НЕ ТОЛЬКО В ЧАСТИ НАЗНАЧЕННОГО НАКАЗАНИЯ

Дело Гурецкого. Постановление Пленума от 23 июня 1950 г.

(Извлечение)

По приговору Московского городского суда Гурецкий был осужден по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 3 года и конфискацией 3700 руб., 23 каракулевых шкур, 13 фарфоровых фигурок и другой фарфоровой посуды по описи, радиоприемника и славянского шкафа.

Гурецкий признан виновным в том, что, работая в 1944—1946 гг. главным инженером треста «Мосжилгорстрой», он путем составления фиктивных документов растратил 28 823 руб. государственных средств.

По данному делу Генеральный Прокурор СССР внес протест в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда СССР, считая неправильным приговор в части конфискации имущества, поскольку по закону за указанное преступление предусмотрена конфискация всего

имущества, суд же применил только частичную конфискацию.

Рассмотрев протест, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор в части конфискации имущества и дело в этой части передала на новое судебное рассмотрение.

Обсудив протест Председателя Верховного суда СССР, Пленум находит, что определение Коллегии подлежит отмене. Коллегия правильно отметила, что суд первой инстанции обязан был по данному делу применить конфискацию всего имущества осужденного. Однако Коллегия при этих условиях должна была отменить приговор не только в части конфискации имущества, но весь приговор и дело передать на новое судебное рассмотрение в полном объеме, поскольку отмена приговора только в части назначенного наказания не основана на законе и находится в противоречии со ст. ст. 416 и 423 УПК РСФСР.

**6. СПОР МЕЖДУ ЧЛЕНАМИ СЕМЬИ ПАЙЩИКА ДАЧНО-СТРОИТЕЛЬНОГО
КООПЕРАТИВА О ПРАВЕ ПОЛЬЗОВАНИЯ ДАЧНЫМ ПОМЕЩЕНИЕМ
ПОДЛЕЖИТ РАЗРЕШЕНИЮ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ В СООТВЕТСТВИИ
СО ст. 2 ГК РСФСР**

*Дело Лассавио с Овсянкиной. Постановление Пленума
от 7 июля 1950 г.*

Лассавио Ф. Ф. состоял членом дачно-строительного кооператива и на правах пайщика пользовался кооперативной дачей в пос. Кучино Московской области. Вместе с Лассавио дачей пользовались его жена и сын Евгений Лассавио со своей семьей (жена и двое детей).

В июле 1941 г. Лассавио Е. с семьей был эвакуирован из Москвы в г. Златоуст. В августе 1941 г. умерла жена Лассавио Ф. Ф., а 3 декабря 1941 г. Лассавио Ф. Ф. зарегистрировал свой новый брак с Овсянкиной. 15 марта 1943 г. Лассавио Ф. Ф. умер.

В июле 1944 г. Овсянкина обратилась в народный суд Балашихинского района с иском о признании ее собственником пая, числящегося в кооперативе на имя Лассавио Ф. Ф. В обоснование иска Овсянкина объяснила, что Лассавио Ф. Ф. еще в сентябре 1941 г., т. е. до регистрации его брака с ней, подал в правление кооператива заявление о переводе им пая и имущества на ее имя, по обстоятельствам военного времени заявление это до 1944 г. рассмотрено не было, и уже после смерти Лассавио Ф. Ф. общее собрание членов кооператива 19—26 марта 1944 г. решило впредь до выявления других наследников принять Овсянкину в члены кооператива и перевести паенакопление Лассавио Ф. Ф. на имя ее, Овсянкиной, как наследника умершего.

7 августа 1944 г. народный суд 2-го участка Балашихинского района признал Овсянкину собственницей пая, числящегося в кооперативе за Лассавио Ф. Ф.

20 декабря 1945 г. по протесту Прокурора РСФСР Верховный суд РСФСР решение народного суда отменил и дело направил на новое рассмотрение в Московский област-

ной суд по первой инстанции с указанием, что вопрос о судьбе пая Лассавио Ф. Ф. должен быть разрешен судом с привлечением к делу всех наследников умершего.

При новом рассмотрении в дело вступил сын умершего, Лассавио Е., просивший признать за ним и его детьми, внуками умершего, право на часть пая умершего, с правом пользования дачей.

При слушании дела в областном суде Овсянкина изменила исковые требования и просила признать за ней и за ее дочерью право преимущественного пользования всей дачей.

2—6 июля 1947 г. Московский областной суд решил: постановление общего собрания членов дачно-строительного кооператива от 19 марта 1944 г. признать недействительным, право на пай в сумме 29 400 руб., оставшийся после смерти Лассавио Ф. Ф., признать за его наследниками: Овсянкиной, женой умершего, Лассавио Татьяной, дочерью умершего, Лассавио Евгением, сыном умершего, и Лассавио Екатериной и Александром, внуками умершего, в равных долях по $\frac{1}{5}$ части за каждым с правом всех наследников пользоваться дачей.

12 июля 1947 г. Верховный суд РСФСР решение областного суда оставил в силе.

В июле 1948 г. Лассавио Е. от своего имени и от имени своих детей обратился в народный суд Балашихинского района с иском к Овсянкиной о разделе дачи.

26 августа 1948 г. народный суд 2-го участка Балашихинского района решил разделить дачу и земельный участок между Лассавио и Овсянкиной согласно проекта раздела, составленного техником райкомхоза.

1 октября 1948 г. Московский областной суд это решение народного суда оставил в силе.

По протесту Председателя Верховного суда РСФСР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РСФСР 25 июня 1949 г. отменила решение народного суда от 26 августа 1948 г. и определение областного суда от 1 октября 1948 г. на том основании, что дело рассмотрено в отсутствие Овсянкиной и представителя дачно-строительного кооператива, и передала дело на новое рассмотрение в Московский областной суд по первой инстанции.

14 декабря 1949 г. Московский областной суд решил: предоставить в пользование Лассавио $\frac{3}{5}$ части дачи, выделив ему в левой части строения комнаты под №№ 3 и 4 размером 23, 20 кв. м, часть террасы 13,33 кв. м и сеней 9,23 кв. м; в пользование Овсянкиной оставить комнаты под №№ 1 и 2 в правой части строения размером 15,38 кв. м, часть сеней — 6,16 кв. м и террасы 8,88 кв. м; в мансардном помещении Овсянкиной предоставить комнату № 4 размером 11,58 кв. м, а Лассавио — комнаты №№ 5 и 6 размером 20,18 кв. м; во флигеле за Овсянкиной признать комнату № 1 — 11,6 кв. м, а за Лассавио комнату № 2 — 15 кв. м; сарай разделить между сторонами пополам, земельный участок оставить в общем пользовании сторон на равных правах; обязать Лассавио за свой счет поставить перегородки, отделяющие его комнаты от комнат Овсянкиной, прорубить дверь из сеней в комнату № 3 и сделать выход из сеней на участок и вход в мансардное помещение; обязать Овсянкину за свой счет сделать входную дверь в комнаты через террасу; перегородку между комнатами во флигеле сторонам сделать на общий счет.

2 февраля 1950 г. Верховный суд РСФСР это решение областного суда оставил в силе.

По протесту Председателя Верховного суда СССР Судебная кол-

легия по гражданским делам Верховного суда СССР 5 апреля 1950 г. отменила решение Московского областного суда от 14 декабря 1949 г. и определение Верховного суда РСФСР от 2 февраля 1950 г. и дело по иску Лассавио к Овсянкиной и дачно-строительному кооперативу о разделе дачи производством прекратила.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, внесенным им в Пленум Верховного суда СССР, Пленум находит, что определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР подлежит отмене по следующим основаниям:

В своем определении Судебная коллегия исходит из того, что по делу «доказано, что Лассавио (истец) проживал от отца отдельно и имел самостоятельную семью».

Несмотря на всю категоричность такого утверждения, оно не находит в себе подтверждения в материалах дела.

Наоборот, из дела видно, что дачей пользовался не только Лассавио Ф. Ф., но и семья его сына. В московской квартире Лассавио Ф. Ф. вместе с ним жил и истец Лассавио Евгений с семьей. Свидетели Бродов и Жаров, допрошенные в судебном заседании 2 декабря 1947 г., показали, что до эвакуации из Москвы в 1941 г. отец и сын Лассавио проживали вместе — одной семьей.

Факт совместного проживания и совместного пользования дачей Лассавио Ф. Ф. и Лассавио Е. Ф. устанавливает и Московский областной суд как в решении от 2—6 июля 1947 г., так и в решении от 14 декабря 1949 г.

Отвергая установленный судом факт совместного проживания и пользования дачей Лассавио Ф. Ф. и Лассавио Е. Ф. и подставляя на его место другой факт — раздельное проживание семьи Лассавио-отца от семьи Лассавио-сына — в качестве основания для прекращения дела, Судебная коллегия допустила нарушение п. «в» ст. 254-б ГПК РСФСР.

В определении Судебной коллегии утверждается, что, приняв к своему рассмотрению спор между сторонами о праве пользования дачей, суд вышел за пределы своих прав и разрешил неподведомственное ему дело.

Утверждение это является необоснованным. В силу ст. 7 Примерного устава ДСК не подлежат судебному рассмотрению споры между пайщиками или между пайщиком и ДСК о праве собственности на дачу, поскольку она составляет предмет кооперативной собственности. Но споры между пайщиками, а равно и споры между членами семьи пайщика по поводу пользования дачным помещением не изъяты из ведения суда и в соответствии со ст. 2 ГК РСФСР подлежат разрешению в судебном порядке.

Отсутствие постановления общего собрания членов ДСК о принятии Лассавио Е. Ф. в члены кооператива не может являться обстоятельством, лишающим Лассавио Е. Ф. права пользования помещением дачи, предоставленной ДСК его отцу.

Согласно ст. 22 Примерного устава ДСК пай умершего члена кооператива переходит к его наследникам. Члены семьи, пользовавшиеся принадлежащим умершему дачным помещением, имеют преимущественное право на дальнейшее пользование им при условии вступления одного из членов семьи в состав кооператива.

По делу нет спора о том, что Лассавио Е. Ф. в силу ст. 418 ГК

РСФСР является законным наследником к имуществу, — в том числе и к паенакоплению в ДСК, — оставшемуся после смерти его отца.

В деле имеется постановление общего собрания членов ДСК о принятии в члены кооператива Овсянкиной как жены умершего пайщика. Отмена этого постановления Московским областным судом 2—6 июля 1947 г. не вызывалась необходимостью, и постановление областного суда в этой части из решения следует исключить.

Поскольку жена Лассавио Ф. Ф. принята в члены кооператива, Лассавио Е. Ф., являвшийся членом семьи Лассавио Ф. Ф., и его дети имеют право пользоваться дачным помещением на равных основаниях с ответчицей и ее дочерью.

По изложенным основаниям Пленум Верховного суда СССР постановляет:

Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 5 апреля 1950 г. по настоящему делу отменить и оставить в силе решение Московского областного суда от 14 декабря 1949 г. и определение Верховного суда РСФСР от 2 февраля 1950 г. Исключить из решения Московского областного суда от 2—6 июля 1947 г. указание о признании недействительным постановления общего собрания членов ДСК № 89 имени XVII-летия Октября от 19 марта 1944 г.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИЙ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

1. НЕПРАВИЛЬНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА ПО ст. 3 УКАЗА ОТ 4 ИЮНЯ 1947 г. ПРИ НАЛИЧИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ст. 4 ЭТОГО УКАЗА

Дело Фишкина и Андриюшкевичуса. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 8 июля 1950 г.

По приговору народного суда 2-го участка Алитусского уезда Фишкин и Андриюшкевичус были осуждены по ст. 3 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Верховный суд Литовской ССР приговор оставил в силе.

Приговором по настоящему делу установлено, что Андриюшкевичус, работая председателем кооператива Алитусского уезда, а Фишкин — закупщиком Главкоопторга, систематически присваивали кооперативные средства путем составления фиктивных актов на закупку скота: в актах указывали завышенные цены купленного скота и присваивали разницу между фактически уплаченной ценой и проставленной в актах. Всего таким путем было присвоено кооперативных средств в сумме 12 725 руб. Все фиктивные акты на закупленный скот были утверждены Андриюшкевичусом.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия нашла, что приговор подлежит отмене ввиду неправильной квалификации преступления, вмененного осужденным.

Как видно из содержания самого приговора, Фишкин и Андриюшкевичус находились в преступной связи между собой и составляли организованную группу. В приговоре, далее, указано, что они совершали хищения систематически. Наконец, и размер присвоенной суммы должен быть признан крупным. Между тем действия, вменяемые обвиняемым, были квалифицированы как на предварительном следствии, так и на суде по ст. 3 Указа от 4 июня 1947 г., хотя они содержат все три квалифицирующих признака ст. 4 этого Указа: наличие организованной группы, повторность и крупный размер хищения.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, руководствуясь ст. 416 УПК РСФСР, определила:

Приговор народного суда 2-го участка Алитусского уезда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Литовской ССР в отношении Фишкина и Андриюшкевичуса отменить и дело о них передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

2. НЕПРАВИЛЬНАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ХИЩЕНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО ИМУЩЕСТВА

Дело Вахромеевой. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 7 июня 1950 г.

По приговору народного суда 1-го участка Сталинского района г. Иваново Вахромеева осуждена по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Одновременно с осужденной взыскано 671 р. 38 к. в доход государства.

Определением Ивановского областного суда приговор оставлен в силе.

В протесте Председатель Верховного суда СССР просит об изменении квалификации преступления.

Вахромеева признана виновной в том, что она, являясь с 19 мая по июль 1949 г. секретарем комитета комсомола при швейной фабрике № 1, присвоила членские взносы, собранные с комсомольцев за июнь, июль месяцы в сумме 1171 р. 38 к. В целях сокрытия присвоения она пересоставила ведомости на получение членских взносов, уменьшив суммы взносов, и подделала подписи плательщиков. Кроме того, в погашение ущерба внесла 500 руб.

Виновность Вахромеевой в присвоении денег доказана. Однако приговор подлежит изменению по следующим основаниям: комитет комсомола, средства которого Вахромеева присвоила, является общественной организацией, и суд не-

правильно квалифицировал преступление Вахромеевой по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г., предусматривающей ответственность за хищение государственного, а не общественного имущества. Суд также неправильно взыскал ущерб в доход государства, тогда как должен был взыскать в пользу гражданского истца — райкома ВЛКСМ.

Действия Вахромеевой, заключающиеся в присвоении 1171 р. 38 к. денег из собранных членских взносов с комсомольцев, должны квалифицироваться по ст. 3 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор народного суда 1-го участка Сталинского района г. Иваново и определение Ивановского областного суда изменить — преступление Вахромеевой переквалифицировать со ст. 2 на ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества», по этой статье назначить наказание пять лет заключения в исправительно-трудовом лагере без конфискации имущества. Взыскание с Вахромеевой 671 р. 38 к. произвести в пользу райкома ВЛКСМ.

3. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, ТАК КАК ПО ДЕЛУ НЕ ИССЛЕДОВАН РЯД ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ДАЮЩИХ ОСНОВАНИЕ ПРЕДЪЯВИТЬ ПОДСУДИМОМУ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБВИНЕНИЕ ПОМИМО ТЕХ ПУНКТОВ, ПО КОТОРЫМ ОН ПРЕДАН СУДУ, А ТАКЖЕ ПРИВЛЕЧЬ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ДРУГИХ ЛИЦ, ПРИЧАСТНЫХ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

Дело Мясникова и др. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 21 июня 1950 г.

По приговору Рязанского областного суда были осуждены по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение

государственного и общественного имущества» Мясников, Хрусталеv, Чепраков И. Ф., Абрамов и Абрамова.

Определением Верховного суда РСФСР приговор оставлен в силе.

Приговором суда установлено, что Мясников, работавший председателем правления колхоза имени XVIII партсъезда, Чепраков И. Ф., работавший бригадиром этого колхоза, и Хрусталева, работавший в качестве заведующего складом Дивовского пункта «Заготзерно», по взаимной договоренности между собой похитили из склада 1 200 кг семенного овса.

В приговоре указано, что это количество овса Хрусталевым было ранее преступным путем создано как излишек и по книжному учету склада в наличии не значилось.

Чтобы скрыть следы преступления, Мясников по договоренности с Чепраковым составил несколько фиктивных актов о том, что овес якобы был куплен ими на рынке, акты утвердил Мясников, а деньги Чепраков И. Ф., Мясников и Хрусталева поделили между собой.

Кроме того, Мясников поговору с осужденными по данному делу кладовщиком колхоза Абрамовым и его женой Абрамовой под предлогом отправки в госпоставку похитили из кладовой колхоза 1039 кг ржи, но преступление было разоблачено и похищенная рожь возвращена на склад колхоза.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам нашла, что приговор областного суда и определение Верховного суда РСФСР подлежат отмене по следующим основаниям:

Органами предварительного следствия и судом в достаточной мере не исследован эпизод о хищении из кладовой колхоза 1039 кг ржи. В приговоре указано, что виновность Абрамова и Абрамовой в хищении ржи доказана сознанием этих осужденных, между тем это утверждение не соответствует материалам дела, из которых видно, что Абрамов и Абрамова виновными себя в хищении 1039 кг ржи не признали и показали, что по распоряжению Мясникова рожь в количестве 1039 кг была вывезена со склада

колхоза в соседнюю деревню для продажи ее с тем, чтобы вырученную от продажи сумму денег Мясников мог уплатить за купленные для колхоза две тонны овса, сданного им в Дивовский пункт «Заготзерно» в счет госпоставки.

Показания Абрамова и Абрамовой в должной мере не проверены; тогда как они заслуживают внимания. Так, из материалов дела видно, что Абрамов выписал Мясникову фиктивную накладную на якобы отпущенные со склада колхоза на пункт «Заготзерно» в счет госпоставки 2160 кг овса. На обороте накладной Хрусталева расписался в получении этого количества овса, тогда как фактически он овса не получил.

На основании указанной фиктивной накладной с отметкой о получении овса Хрусталевым и вторичной отметкой последнего о получении овса по накладной № 349 на анализ-ордер конторой заготпункта была выписана Мясникову квитанция за № 358140 на принятые от него в счет поставки 5264 кг овса, тогда как фактически Мясниковым было сдано только 3126 кг овса.

То обстоятельство, что Хрусталева по преступной договоренности выдал Мясникову квитанцию в удостоверение сдачи колхозом в счет госпоставок 5264 кг овса вместо фактически принятых 3126 кг овса, подтверждается показаниями свидетелей по делу — Чепракова Г. И., Сафонова, Грамзина, Бобылева — и имеющейся в деле справкой правления колхоза.

Таким образом, в деле имеются данные о том, что в результате выдачи Хрусталевым квитанции о якобы принятых от колхоза 2,1 т овса, это количество овса колхозом было государству недопоставлено, однако, неизвестно почему, Хрусталева за это преступление органами следствия к уголовной ответственности привлечен не был.

Этот эпизод следует доследовать и на основании бухгалтерских и учетных записей установить, какое количество зерна, в том числе овса,

подлежало сдаче государству колхозом и какое количество было фактически сдано.

В связи с этим необходимо более тщательно проверить показания Абрамовой, которая утверждает, что Мясников в присутствии других лиц просил ее найти покупателя на одну тонну ржи с тем, что вырученные деньги будут уплачены за две тонны овса Хрусталеву, о преступной договоренности которого с Мясниковым, либо преступных намерениях последнего она якобы не знала.

Обращает на себя внимание тот факт, что по указанию Мясникова одна тонна ржи была вывезена из кладовой днем, что рожь была погружена на автомашину открыто свидетелями по делу — Чепраковым Г. И., Сафоновым, Грамзиным и Бобылевым — и что при этом некоторым из них Мясников сказал, что рожь направляется в расчет за овес.

В достаточной мере не исследован и эпизод о хищении со склада пункта «Заготзерно» 1200 кг семенного овса. В деле отсутствуют данные, которые были бы основаны на бухгалтерских и других учетных записях, о том, какое количество посевного овса весной было закуплено колхозом на рынке, кем он закупался, кому персонально и по каким документам выдавались для закупки денежные авансы, даты этих закупок и отчетные сведения о приходе и об израсходовании овса.

Из имеющихся в деле актов на закупленный в январе, феврале и марте овес не видно, кем были получены деньги по этим актам, отсутствуют расписки в получении денег и

расходные денежные ордера, отсутствуют также даты резолюций об уплате по означенным актам, наложенные осужденным Мясниковым, а в некоторых актах (как, например, от 11 февраля и 24 марта) не указано вообще, у кого был куплен овес.

При явной фиктивности имеющих в деле восьми актов, по которым выплачено более 30 тыс. руб. колхозных средств, органам следствия надлежало произвести бухгалтерскую экспертизу для установления сумм фактически причиненного государству и колхозу ущерба и исследовать вопрос о степени виновности членов правления колхоза и членов ревизионной комиссии, а также причастности к этим преступлениям счетовода и кассира колхоза.

При доследовании необходимо установить, производились ли прием и отпуск зерна на пункте «Заготзерно» одним Хрусталевым или же совместно с другими лицами, как, например, весовщиком, и мог ли Хрусталева без участия весовщика или других должностных лиц производить отпуск зерна со складов, которыми он заведывал.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 312, 315, 414 и 436 УПК РСФСР, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР определила:

Приговор Рязанского областного суда и определение Верховного суда РСФСР в отношении Мясникова, Хрусталева, Чепракова, Абрамова и Абрамовой отменить и дело о них направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

4. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН, КАК ОСНОВАННЫЙ НА ОГОВОРЕ ОДНОГО ИЗ ПОДСУДИМЫХ, ОПРОВЕРГНУТОМ СВИДЕТЕЛЯМИ, НЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ В ИСХОДЕ ДЕЛА

Дело Царитовых. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 8 июля 1950 г.

По приговору народного суда 2-го участка Боржомского района Царитов А. и Царитов Г. были осуждены по ст. 4 Указа Президиума Верхов-

ного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Верховного суда Грузинской ССР приговор оставлен в силе.

Царитовы Г. и А. признаны виновными в том, что они, работая бригадирами колхоза села Айдаров Боржомского района, по договоренности с осужденной по этому же делу заведующей складом Джигоевой похитили 1018 кг зерна.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия нашла, что приговор и определение в отношении Царитовых подлежат отмене по следующим основаниям:

Царитовы как на предварительном следствии, так и в судебном заседании виновными себя не признали и заявили, что они сдали заведующей складом Джигоевой полностью 1018 кг зерна и получили от нее накладную, а впоследствии от Джигоевой ничего обратно не получили.

Получение Джигоевой от Царитовых 1018 кг зерна подтверждается накладной склада, выписанной и подписанной Джигоевой.

Джигоева по этому поводу утверждала, что хотя она от Царитовых получила указанное количество зер-

на и выдала им накладную, но буд-то бы Царитовы впоследствии взяли от нее это зерно обратно, о чем она заявила членам правления колхоза.

Однако допрошенные в качестве свидетелей член правления колхоза Джигаев и председатель Тамаев по показаний Джигоевой не подтвердили.

При отсутствии других доказательств вины Царитовых в присвоении указанного количества зерна оговор Джигоевой, не подтвержденный свидетелями, которые не были заинтересованы в исходе дела, не может быть положен в основу обвинения, так как Джигоева стремилась таким путем освободиться от ответственности за совершенное ею преступление.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда 2-го участка Боржомского района и определение Верховного суда Грузинской ССР в отношении Царитова А. и Царитова Г. отменить и дело о них в уголовном порядке производством прекратить за недоказанностью обвинения.

5. ОБВИНЕНИЕ В ХИЩЕНИИ ОТВЕРГНУТО, КАК ОСНОВАННОЕ НА ОГОВОРЕ ОДНОГО ИЗ ПОДСУДИМЫХ, ОПРОВЕРГНУТОМ ДРУГИМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПО ДЕЛУ

Дело Латышева и Павловича. Определение Железнодорожной коллегии от 1 июля 1950 г.

По приговору линейного суда Западной ж. д., оставленному в силе определением Окружного суда железнодорожного транспорта Западного округа, Латышев и Павлович были осуждены по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Латышев и Павлович признаны виновными в том, что они, работая монтерами радиоузла профсоюзной организации ст. Орша, в 1949 г., получая с абонентов плату за радиоустановки, присвоили: Латышев 594 руб., а Павлович 744 руб.

Из дела видно, что Латышев и Павлович по поручению заведующего радиоузлом Василенок, также осужденного по данному делу, собирали абонентную плату по абонентным книжкам, которые они получили от Василенок.

Из объяснений Латышева и Павловича видно, что все деньги, полученные ими по абонентным книжкам, они передавали Василенок, от него же получили по 450 руб. за работу по установке радиоточек в неурочное время.

Показания Василенок в судебном заседании о том, что Павлович и

Латышев не сдавали ему деньги, полученные за радиоустановки, противоречат его показаниям на предварительном следствии, в которых он не отрицал получение денег от Павловича и Латышева, собранных ими за радиоустановки.

Вместе с тем из показаний свидетеля Сенчило, допрошенного в судебном заседании, видно, что он вместе с Павловичем и Латышевым также работал в неурочное время по установке радиоточек и по доверенности Василенок получал деньги от организаций, которым проводилась радиоустановка. Из полученных денег Василенок платил им за работу, а остальные деньги оставались у Василенок.

Из показаний свидетеля Кобызева, производившего ревизию деятельности Василенок, следует, что Василенок не мог не получить с Латышева и Павловича денег, собранных по абонементным книжкам, так как эти книжки ими получались от Василенок в подотчет.

В силу изложенного Железнодорожная коллегия, считая обвинение Латышева и Павловича недоказанным, определила:

Приговор линейного суда Западной ж. д. и определение Окружного суда Западного округа в отношении Латышева и Павловича отменить и дело о них за недоказанностью обвинения производством прекратить.

6. ОБВИНЕНИЕ В ХИЩЕНИИ ОТВЕРГНУТО, КАК ОСНОВАННОЕ НА ПРОИЗВОЛЬНОМ УМОЗАКЛЮЧЕНИИ, НАХОДЯЩЕМСЯ В ПРОТИВОРЕЧИИ С МАТЕРИАЛАМИ ДЕЛА

*Дело Рытова. Определение Судебной коллегии
по уголовным делам от 12 июля 1950 г.*

(Извлечение)

По приговору народного суда Городского района г. Баку Рытов в числе других был осужден по ст. 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Рытов признан виновным в том, что он, будучи председателем правления клуба профсоюза работников коммунального хозяйства и находясь в преступной связи с осужденным по настоящему делу сторожем Козловым, с 29 мая по 8 сентября систематически расхищал из клуба мягкий инвентарь. Кроме того, он похитил 200 м бязи.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия нашла, что приговор в отношении Рытова подлежит изменению по следующим основаниям:

Из материалов дела видно, что 17 августа и 8 сентября было обна-

ружено хищение из клуба 150 шт. простыней, 150 шт. наволочек, 79 шт. чехлов для матрацев и 200 м бязи, принадлежащих Азербайджанскому республиканскому комитету профсоюза работников коммунального хозяйства.

Указанные материальные ценности находились под сохранной распиской у Козлова, и он же охранял помещение. Осужденный Козлов показал, что мягкий инвентарь и 200 м бязи действительно были приняты им под сохранную расписку на хранение от председателя республиканской конторы профсоюза Мамедова, но, кем совершено хищение, он не знает.

В день обнаружения первого случая хищения из клуба мягкого инвентаря и части бязи работники милиции произвели осмотр места происшествия и составили акт, в котором было указано, что никаких признаков взлома или повреждения дверей и замков не обнаружено; акт был подписан без оговорок Рытовым и Козловым.

Председатель союза Мамедов показал, что Козлов являлся единственным сторожем клуба и постоянно проживал рядом с помещением клуба.

Рытов, подтвердивший показания Мамедова, заявил, что ключ от кабинета председателя правления клуба, где под сохранной распиской Козлова хранили мягкий инвентарь и бязь, постоянно находился у Козлова и что последний открывал и закрывал двери. Свидетельница Криворученко, уборщица клуба, утверждала, что Козлов кабинет открывал без Рытова и что ключи находились у Козлова.

Свидетельница Аванесова показала, что однажды летом Козлов вышел из клуба и пришел к себе домой, причем под рубашкой у него

имелись посторонние предметы. Козлов систематически пьянствовал.

Ни один из допрошенных свидетелей, а также и осужденный Козлов не уличали Рытова в хищении товаров.

При всех этих данных обвинение Рытова в хищении, основанное на произвольном умозаключении, находящемся в противоречии с материалами дела, не может считаться доказанным. Вместе с тем по делу установлено, что Рытов, являясь председателем правления клуба, допустил преступную халатность по службе, передоверив ключ от кабинета Козлову, который, воспользовавшись этим, совершил хищение. Поэтому в действиях Рытова имеется состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 146 УК Азербайджанской ССР.

7. ЛИЦА, ПОДСТРЕКАЮЩИЕ ВЗЯТКОДАТЕЛЕЙ И ПОЛУЧАЮЩИЕ ОТ НИХ ДЕНЬГИ ИЛИ ИНЫЕ ЦЕННОСТИ ЯКОБЫ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ДОЛЖНОСТНОМУ ЛИЦУ В КАЧЕСТВЕ ВЗЯТКИ, А ФАКТИЧЕСКИ ПРИСВАИВАЮЩИЕ ИХ, ДОЛЖНЫ НЕСТИ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

по ст. 118 УК РСФСР (п. «а» ст. 208 УК БССР и соответствующие статьи УК других союзных республик)

Дело Терентьевой. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 17 июня 1950 г.

(Извлечение)

По приговору народного суда 1-го участка г. Полоцка осуждена по ст. 250 УК БССР и по п. «а» ст. 208 УК БССР Терентьева.

Полоцким областным судом приговор оставлен в силе.

Верховный суд БССР, рассмотрев настоящее дело в порядке надзора, своим определением п. «а» ст. 208 УК БССР из приговора исключил.

Соглашаясь с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по уголовным делам находит, что определение Верховного суда БССР подлежит отмене по следующим основаниям:

Терентьева признана виновной в том, что обманным путем получила от граждан деньги и имущество, часть которого якобы предназначалась для дачи взятки должностным лицам.

30 августа 1949 г. Терентьева встретила гражданку Вармаховскую, которая привезла передачу своему осужденному мужу, и предложила дать ей, Терентьевой, 285 руб. якобы для дачи взятки должностному лицу, которого она хорошо знает, после чего Вармаховская получит свидание с мужем.

Поверив Терентьевой, Вармаховская дала ей указанную сумму денег, которые та присвоила.

В августе 1949 г. Терентьева встретила гр-ку Матиевскую и, выяснив в разговоре, что ее сын осужден, заявила Матиевской, что она имеет хорошее знакомство с должностными лицами и может освободить ее сына за взятку. Матиевская дала ей для этой цели 255 руб., 2 кг сала и 2 м полотна, которые Терентьева присвоила.

В этом же месяце Терентьева получила от гр-ки Миницкой 150 руб. якобы для покупки ей тюля, но его не купила, а деньги присвоила.

Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 24 июня 1949 г., лица, подстрекающие взяткодателей и получающие от них деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, а фактически присваивающие их, должны нести от-

ветственность в уголовном порядке по ст. 24—208 УК БССР. Следовательно, Верховный суд БССР неосновательно исключил из приговора обвинение Терентьевой по ст. 24 п. «а» ст. 208 УК БССР.

На основании изложенного Судебная коллегия определила:

Отменить определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР в отношении Терентьевой.

8. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ НЕСООТВЕТСТВИЯ НАКАЗАНИЯ ТЯЖЕСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дело Цитрина. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 21 июня 1950 г.

По приговору народного суда 2-го участка Дзержинского района г. Вильнюс на основании ч. 2 ст. 117 и ст. 109 УК РСФСР осужден по совокупности совершенных преступлений к 2 годам лишения свободы Цитрин.

Определением Верховного суда Литовской ССР приговор оставлен в силе.

Соглашаясь с протестом Председателя Верховного суда СССР, Судебная коллегия по уголовным делам находит:

Цитрин признан виновным в том, что он, работая комендантом общежития Вильнюсского энергорайона, в течение 1947—1949 гг. вымогал взятки от рабочих за прописку и предоставление им жилплощади. Так, от гр-на Крылова он получил взятку в сумме 160 руб., от гр-на

Сенуца — 350 руб. и т. д. Кроме того, на ремонт ведомственного дома ВЭР Цитрин брал деньги без всякой отчетности, минуя бухгалтерию.

Вина Цитрина по делу доказана, и суд правильно вынес обвинительный приговор Цитрину по ч. 2 ст. 117 и по ст. 109 УК РСФСР, однако наказание по ч. 2 ст. 117 УК РСФСР назначил мягкое, явно не соответствующее опасности такого тяжкого вида преступления, каким является взяточничество.

Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда и определение Верховного суда Литовской ССР в отношении Цитрина отменить, а дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в другой участок народного суда Дзержинского р-на г. Вильнюс.

9. НЕПЛАТЕЖ НАЛОГОВ ПРИ НАЛИЧИИ К ТОМУ ВОЗМОЖНОСТИ ВЛЕЧЕТ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В СЛУЧАЕ БЕЗУСПЕШНОСТИ МЕР КО ВЗЫСКАНИЮ НАЛОГА, ПРЕДПРИНЯТЫХ В ОТНОШЕНИИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА В УСТАНОВЛЕННОМ ЗАКОНОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПОРЯДКЕ

Дело Хмелева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 10 июня 1950 г.

По приговору народного суда Ивановского района Фрунзенской области Хмелев был осужден по

ч. 1 ст. 60 УК РСФСР к штрафу.

В кассационном порядке приговор обжалован не был.

Хмелев признан виновным в том, что он злобно уклонялся от уплаты сельскохозяйственного налога.

Рассмотрев протест Председателя Верховного суда СССР, Коллегия находит, что приговор подлежит отмене, а дело прекращению производством по следующим основаниям:

Часть 1 ст. 60 УК РСФСР применяется в том случае, когда, несмотря на принятые меры ко взысканию налогов, налогоплательщик все же злобно уклоняется от уплаты. Между тем из материалов дела видно, что районным финансовым отделом не были приняты все меры ко взысканию налогов с Хмелева

в соответствии с требованиями постановления ЦИК и СНК СССР от 11 апреля 1937 г.¹ о порядке взыскания недоимок. В деле нет даже письменного предупреждения налогоплательщика Хмелева за десять дней до передачи дела на него в суд в случае неуплаты налогов в срок. При этих условиях виновность Хмелева в злобном уклонении от платежа налога нельзя считать доказанной. Поэтому Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда Ивановского района Фрунзенской области в отношении Хмелева отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить.

10. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ст. 171¹ УК ГРУЗИНСКОЙ ССР

Дело X. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 10 июня 1950 г.

Определением народного суда 1-го участка Горийского района Грузинской ССР возвращено на дополнительное расследование дело по обвинению X. по ст. 155 УК Грузинской ССР с указанием — дополнительно предъявить ему обвинение по ст. 171¹ УК Грузинской ССР.

Определением Верховного суда Грузинской ССР частный протест прокурора отклонен и определение народного суда оставлено в силе.

X. был привлечен к уголовной ответственности по ст. 155 УК Грузинской ССР по обвинению в причинении легкого телесного повреждения К.

В судебном заседании после допроса потерпевшей К., подсудимого и свидетелей народный суд вынес определение о направлении дела на дополнительное расследование для предъявления X. нового обвинения по ст. 171¹ УК Грузинской ССР.

Из материалов дела усматривается, что X. и К. в июне 1948 года зарегистрировали свой брак в уста-

новленном порядке, но, как они объяснили, супружескую жизнь начали с ноября того же года. Вследствие ссор в семье и между собой X. и К. затем разошлись.

Ст. 171¹ УК Грузинской ССР предусматривает обманное вовлечение женщины в половую связь путем использования с этой целью установленной формы регистрации брака. В данном же случае в действиях X. отсутствует состав указанного преступления. X. и К. продолжительное время состояли в брачных отношениях и вели общее хозяйство. В деле нет никаких данных, свидетельствующих о том, что регистрация брака была обманно использована X. в целях вовлечения К. в половую связь. По всем данным дела, последующее прекращение брачных отношений не входило в намерения X. при регистрации брака, и они возникли у X. и К. после регистрации брака и совместного сожительства на почве вновь

¹ Опубликовано (СЗ. СССР 1937 г. № 30, ст. 120).

сложившихся условий, которые ни Х. ни К. при регистрации не увидели.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Определение народного суда 1-го участка Горийского района Грузинской ССР и определение Верховного суда Грузинской ССР по делу Х. отменить и дело передать на новое судебное рассмотрение.

11. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ НЕИССЛЕДОВАННОСТИ РЯДА СУЩЕСТВЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ И ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛОЖЕННЫХ В ОСНОВУ ОБВИНЕНИЯ

Дело Ф. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 10 июня 1950 г.

По приговору Ростовского областного суда Ф., 1933 года рождения, был осужден по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование».

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР приговор оставлен в силе.

Ф. признан виновным в том, что он 13 июля 1949 г. изнасиловал девочку В. Павлину, 1940 года рождения.

Суд указал в приговоре, что Ф. совершил преступление при следующих обстоятельствах:

Ф. работал весовщиком в колхозе имени Дзержинского. В 19 час. 13 июля 1949 г. он, возвращаясь на велосипеде из бригады сортового участка указанного колхоза в станицу Тагинскую и не доезжая Тагинской МТС, заметил девочек В. — Клавдию, 1938 года рождения и Павлину, 1940 года рождения, которые вместе со своим братом Леонидом, находившимся в это время, от них на расстоянии 100—150 м, пасли телят.

Ф. предложил В. Павлине, рождения 1940 года, покататься на велосипеде, на что последняя дала свое согласие, после чего Ф. привез В. Павлину в лесополосу, расположенную вблизи Тагинской МТС, где и изнасиловал ее.

Рассмотрев протест Генерального Прокурора СССР, Коллегия нашла

что приговор Ростовского областного суда и определение Верховного суда РСФСР в отношении Ф. подлежат отмене ввиду неисследованности как на предварительном, так и на судебном следствии ряда существенных обстоятельств дела и ввиду противоречивости доказательств, положенных судом в обоснование вывода о виновности Ф.

На предварительном и на судебном следствии остался неисследованным вопрос о том, в какое время было совершено изнасилование девочки Павлины и могли ли Ф. совершить изнасилование в том случае, если выехал с места своей работы, как видно из показаний бригадира полеводческой бригады Молчанова, в 7 час. или в начале восьмого часа вечера.

Между тем вопрос этот имеет весьма существенное значение.

Из отметки на истории болезни Павлины В. видно, что она поступила в больницу в 8 час. вечера 13 июля 1949 г. Из показаний потерпевшей и ее сестры Клавдии видно, что мужчина, изнасиловавший Павлину, подошел к девочкам, поговорил с ними, затем предложил прокатить Павлину на велосипеде и отвез ее на лесополосу, расположенную к жалобе адвоката справки за подписью бухгалтера правления колхоза, в 1—1,5 км от пастбища.

После того как девочка была изнасилована, она сама медленно

прошла такое же расстояние до пастбища.

Затем, как видно из показаний Клавдии, последняя побежала домой, чтобы привести мать, но по дороге встретила отца.

Отец потерпевшей, несмотря на исключительную важность его показаний для установления времени изнасилования, на предварительном следствии допрошен не был. В судебном заседании он был допрошен и показал, что, услышав от Клавдии об изнасиловании Павлины, он «побежал туда, взял дочь и с ней бежал в МТС, попросил там подводу и отвез дочь в больницу». Откуда бежал отец потерпевшей и какое расстояние он пробежал, в суде не установлено.

Из той же справки за подписью бухгалтера правления колхоза видно, что от пастбища до МТС около 1 км, а от МТС до больницы — 3—4 км.

Таким образом, если допустить, что Ф. выехал с места своей работы даже не в восьмом часу, а в 7 час. вечера, то за период времени длительностью в один час до момента точно установленной в истории болезни даты поступления потерпевшей в больницу — 8 час. вечера — должны были произойти следующие события:

Ф. — проехать 7—8 км от госсортучастка до пастбища, где находилась девочка, поговорить с девочками, увести Павлину на лесополосу и совершить изнасилование; Павлина, — придя в себя после совершенного над ней насилия, медленно пройти 1—1,5 км от лесополосы до пастбища; Клавдия — выяснить у сестры, что она сделалась жертвой насилия и пойти за матерью; отец потерпевшей — добежать до пастбища, взять на руки изнасилованную дочь, пробежать с ней 0,8—1 км до МТС, договориться о получении подводы, выждать, когда подвода будет ему предоставлена, и отвезти дочь за 3—4 км в больницу.

Все эти события не могли произойти за один час, — и в том случае, если по делу точно фиксировано

время отъезда Ф. из госсортучастка и время поступления потерпевшей в больницу, то устанавливается алиби подсудимого и становится очевидным, что основанием для осуждения было совпадение случайных признаков: Ф., так же как и совершивший насилие, ехал в районе пастбища на велосипеде и имел при себе мешок.

Однако для столь категорического вывода нет достаточных оснований в силу ряда крупных недостатков судебного и особенно предварительного следствия.

К делу приобщен не подлинник, а копия истории болезни Павлины В., и поэтому нельзя считать вполне точно установленным факт, что на подлиннике действительно имеется отметка о том, что девочка поступила в больницу в 8 час. вечера.

Не выяснено, кто сделал эту отметку, и это лицо не допрошено с целью выяснения — насколько точно фиксировано время поступления в больницу потерпевшей.

Бригадир полеводческой бригады Молчанов и свидетель Мещинина, удостоверяющие время отъезда Ф. из госсортучастка, допрошены крайне поверхностно.

Справка бухгалтера колхоза, удостоверяющая расстояние от важнейших объектов, вообще не была предметом судебного рассмотрения. Она приложена к кассационной жалобе адвоката. Справка эта не носит официального характера. Очевидно, что в деле, в котором вопрос о расстоянии до места происшествия имеет столь существенное значение, — этот вопрос должен был быть предметом специального исследования, и во всяком случае расстояние до места происшествия следовало удостоверить официальной справкой компетентного учреждения или сведущего лица. Между тем ни следствием, ни судом этот вопрос вообще не исследовался.

В деле имеется ряд недостаточных исследованных обстоятельств, свидетельствующих о том, что изнасилование не было совершено Ф. Так, Павлина В. на первоначальном до-

просе показала, что после того, как неизвестный ей мужчина совершил изнасилование, «он вытирал себя мешком».

Очевидно, что при таком положении на мешке должны были остаться следы крови и спермы, однако судебно-биологические исследования показали, что на мешке, отобранном у Ф., никаких подобных следов не было.

В качестве доказательства, устранивающего это противоречие, приложены справки двух местных врачей о том, что «свежие пятна крови легко снимаются холодной водой и не оставляют никаких следов на материале». Не говоря уже о сомнительности подобного категорического вывода применительно к возможностям современного научного медико-биологического исследования и о том, что в данном случае должны были иметь место не только следы крови, но и следы спермы, ничем не доказано, что изъятый у Ф. мешок подвергался замыванию холодной водой или даже был просто погружен в воду.

Наоборот, примерно в 10 час. вечера того же дня, когда произошло изнасилование, т. е. 13 июля, у Ф. был изъят сухой мешок, так как отметок о противоположном в протоколе изъятия нет. Массивная мешковая ткань, долго хранящая воду, не могла в вечернее время высохнуть за 1—1,5 часа.

Из протокола осмотра вещественных доказательств видно, что у Ф. был изъят именно тот мешок, который он получил у бригадира Молчанова на госсортушке, следовательно, именно тот, которым он мог вытирать себя после совершения акта насилия, если считать, что насилие было совершено Ф.

Таким образом, на ткани мешка не могли не остаться следы крови или спермы, но в действительности этих следов нет.

При медицинском освидетельствовании Ф., произведенном 13 июля 1949 г. после задержания подростка, врач констатировал, что «при осмот-

ре наружных половых органов никаких изменений не обнаружено:

Следов крови и других признаков насилия нет».

Брюки, в которые был одет Ф. 13 июля 1949 г., были изъяты и подвергнуты судебно-медицинскому биологическому исследованию. При этом, как указано в акте экспертизы, на брюках Ф. никаких следов крови или спермы обнаружено не было.

Одетые на Ф. трусы вообще не подвергались судебно-медицинскому исследованию, что является явно ошибочным.

К выводу о виновности Ф. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приходит, в ряду других доказательств, в результате того, что на Ф. были одеты трусы зеленого цвета, а на человеке, изнасиловавшем девочку В., последняя также видела трусы зеленого цвета. Однако этот признак является явно недостаточным для идентификации личности.

Потерпевшая на предварительном следствии на следующий день после изнасилования не опознала Ф. среди других предъявленных ей подростков.

В протоколе по этому поводу отмечено, что она «осмотрела вышеперечисленных лиц и сказала, что она не может опознать, так как она испугалась и в лицо точно не помнит».

При таких обстоятельствах представляется явно недостаточной доказательственная ценность опознания Павлиной Ф. на суде, т. е. через два с половиной месяца после происшествия.

Свидетельница, несовершеннолетняя Кузнецова В., первоначально опознавшая Ф. как человека, который увез Павлину на велосипеде, на суде от своих первоначальных показаний отказалась и заявила, что дала их по просьбе матери потерпевшей — Харитины В.

Следствием не проверено, не подвергалась ли Кузнецова В. воздействию со стороны матери потерпевшей или со стороны родителей Ф.

Ф. определенно опознала только

одиннадцатилетняя девочка Клавдия В., сестра потерпевшей.

Однако из показаний сотрудника милиции Королева на судебном заседании можно допустить, что мать потерпевшей ранее момента предъявления Ф. для опознания указала старшей дочери на Ф. как на виновника изнасилования ее сестры.

Если правдивы показания Кузнецовой о том, что первоначально она дала ложные показания о виновности Ф. под влиянием Харитины В., то такое же влияние могло быть оказано матерью потерпевшей и на ее сестру.

Крайне противоречивы данные об одежде и внешнем виде человека, совершившего изнасилование. В заявлении отца в органы милиции значится, что преступление совершил «рыжий в серых штанах и черной рубашке». В показаниях матери «подросток одет в черные брюки, серую рубашку, зуб красный», а у Ф. были изъяты рубашка темносиняя и коричневые брюки. По показаниям

потерпевшей преступник был одет «в темных брюках и серой рубашке». Так же описан преступник и в показаниях Клавдии. Какого цвета волосы у Ф., из материалов дела уяснить нельзя.

При такой противоречивости доказательств, положенных в обоснование вывода о виновности Ф., все эти противоречия должны были быть тщательно исследованы на предварительном и судебном следствии, чего, однако, сделано не было. Предварительное следствие по делу проведено крайне поверхностно и одно-сторонне.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор Ростовского областного суда и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РСФСР в отношении Ф. отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

12. РОДИТЕЛИ НЕСУТ СОЛИДАРНУЮ МАТЕРИАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ТОЛЬКО ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ДЕТЬМИ, НЕ ДОСТИГШИМИ СОВЕРШЕННОЛЕТИЯ

Дело Шаклеева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 21 июня 1950 г.

По приговору народного суда г. Татарска Новосибирской области Шаклеев был осужден по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Одновременно по приговору суда взыскано с матери осужденного в пользу гр-на Утенина за причиненный ущерб 900 руб.

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Новосибирского областного суда приговор оставлен в силе.

Шаклеев признан виновным в том, что он вместе со скрывшимся от следствия и суда Хоровым путем взлома окна проник в помещение Татарского городского театра и из

помещения гардероба похитил верхнюю одежду, как впоследствии было установлено, принадлежащую гр-нам Утенину, Нуждину и Тарасовой.

Похищенные у Нуждина и Тарасовой вещи были обнаружены и возвращены потерпевшим, а за похищенное пальто суд взыскал с матери Шаклеева в пользу Утенина 900 руб.

Приговор в части удовлетворения гражданского иска является неправильным по следующим основаниям.

В соответствии со ст. ст. 9 и 405 ГК РСФСР, родители несут солидарную материальную ответственность за вред, причиненный детьми, достигшими 14-летнего возраста, и не отвечают за действия, совершен-

ные детьми, достигшими совершеннолетия.

Шаклееву в момент совершения преступления был 21 год, и поэтому за причиненный им вред он сам должен нести материальную ответственность.

Кроме того, суд допустил также нарушение, выразившееся в том, что он удовлетворил гражданский

иск Утенина к Шаклеевой без вызова последней в судебное заседание.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда и определение областного суда в части взыскания с Шаклеевой в пользу Утенина 900 руб. отменить.

13. КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В КАЧЕСТВЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ МЕРЫ НАКАЗАНИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ПРИМЕНЕНА ЛИШЬ В СЛУЧАЯХ, СПЕЦИАЛЬНО ОГОВОРЕННЫХ В ЗАКОНЕ

Дело Ю. и др. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 7 июня 1950 г.

По приговору Верховного суда Татарской АССР Ю., Н. и З. были осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 января 1949 г. «Об уголовной ответственности за изнасилование» к заключению в исправительно-трудовых лагерях сроком на 15 лет каждый с поражением в избирательных правах на два года с конфискацией лично им принадлежащего имущества.

Определением Верховного суда РСФСР приговор Верховного суда Татарской АССР оставлен в силе.

Н., Ю. и З. признаны виновными в том, что они в ночь на 13 июня 1949 г. изнасиловали С., затаявив ее в рожь.

Верховный суд Татарской АССР, применив дополнительную меру наказания в виде конфискации иму-

щества, допустил нарушение ст. 23 УК РСФСР. Согласно этой статье конфискация имущества в качестве дополнительной меры наказания может быть применена в случаях, специально оговоренных в законе, предусматривающем ответственность за данное преступление. Санкция же Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 4 января 1949 г. «Об уголовной ответственности за изнасилование» не предусматривает конфискации имущества в качестве дополнительного наказания.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Исключить из приговора Верховного суда Татарской АССР в отношении Н., Ю. и З. дополнительную меру наказания в виде конфискации имущества.

14. СУД ИМЕЕТ ПРАВО ЛИШАТЬ ПОДСУДИМОГО МЕДАЛЕЙ ЗА ОБОРОНУ, ВЗЯТИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДОВ И ВХОДИТЬ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА О ЛИШЕНИИ ОРДЕНОВ ТОЛЬКО В СЛУЧАЯХ ОСУЖДЕНИЯ ПОДСУДИМОГО К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ С ПОРАЖЕНИЕМ В ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВАХ

Дело Колесник. Определение Железнодорожной коллегии от 24 мая 1950 г.

(Извлечение)

По приговору Военного трибунала Одесской ж. д. Колесник осужден по ч. 2 ст. 104 УК УССР к пяти годам лишения свободы без пора-

жения в правах с лишением наград — медалей «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» — и возбуждением хода-

тайства перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении Колесника ордена «Красная Звезда».

Согласно постановлению Президиума Верховного Совета СССР от 19 октября 1946 г. «О порядке лишения судебными органами медалей за оборону, взятие и освобождение городов», судам предоставлено право лишать указанных выше наград в случае, когда лица осуждаются к лишению свободы с поражением в правах. Военный трибунал, как это видно из приговора, не поража́л в правах осужденного Колесник, а поэтому не имел права лишать его наград и возбуждать ходатайство

перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении его ордена «Красная Звезда». Кроме того, в материалах дела нет никаких данных, свидетельствующих о том, что Колесник имеет какие-либо награды. Железнодорожная коллегия Верховного суда Союза ССР определила:

Приговор Военного трибунала Одесской ж. д. по делу Колесник изменить, исключив из приговора лишение его медалей «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией», а также и ходатайство перед Президиумом Верховного Совета СССР о лишении Колесник ордена «Красная Звезда».

15. НЕПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА ПОДСУДИМОМУ, УДАЛЕННОМУ ИЗ ЗАЛА СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ В ПОРЯДКЕ СТ. 240 УПК УССР (СТ. 259 УПК РСФСР), НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОВОДОМ К ОТМЕНЕ ПРИГОВОРА

Дело Статина и др. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 7 июня 1950 г.

(Извлечение)

Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР был отменен приговор Сталинского областного суда в отношении Статина, Митенко, Комарова, Волкова, Логвиненко и Полякова, которые им были осуждены по совокупности совершенных преступлений по ст. 56—17 УК УССР и ст. ст. 2 и 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Отмену приговора в отношении указанных лиц Верховный суд УССР мотивировал тем, что судом им не было предоставлено последнее слово и тем самым была нарушена ст. 287 УПК УССР.

Как видно из дела, суд при рассмотрении дела своим определением в порядке ст. 240 УПК УССР удалил Статина, Митенко, Комарова, Волкова, Логвиненко и Полякова из зала судебного заседания, так как они курили, разговаривали, выражались нецензурными словами и упорно не

подчинялись требованию председателя судебного заседания прекратить бесчинство. Это определение областного суда Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда УССР признано правильным.

Приговор суда был объявлен всем осужденным, в том числе и удаленным из зала судебного заседания. Следовательно, Сталинский областной суд не нарушил ст. 287 УПК УССР, так как по смыслу ст. 240 УПК УССР последнее слово подсудимым, удаленным из зала суда, не предоставляется и оглашается лишь приговор после его постановления.

Кроме того, Верховный суд УССР, отменив приговор по указанным основаниям, вопреки требованию ст. 15 Закона о судоустройстве, не вошел в обсуждение вопроса, насколько правильно оценены судом доказательства по делу, и не вынес своего решения по вопросу об обоснованности приговора в отношении указанных осужденных.

На основании изложенного Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда УССР в части отмены приговора Сталинского областного суда в от-

ношении Статина, Митенко, Комарова, Волкова, Логвиненко и Полякова отменить и дело о них направить на новое кассационное рассмотрение в ту же коллегия в ином составе судей.

16. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН ВВИДУ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА В СУДЕ С НАРУШЕНИЕМ СТ. 40 УПК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР (ст. 43 УПК РСФСР)

Дело Хитеева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам от 17 июня 1950 г.

По приговору народного суда Маразинского района Азербайджанской ССР Хитеев был осужден по ст. 3 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Определением Верховного суда Азербайджанской ССР приговор оставлен в силе.

Продавец магазина № 1 Маразинского райпотребсоюза Хитеев признан виновным в том, что он за период своей работы с 1947 г. по декабрь 1948 года допустил недостачу в магазине на 6384 р. 86 к. Эта недостача, как указывается в приговоре, образовалась вследствие того, что «Хитеев отпустил разным организациям в кредит товары на 5670 р. 57 к., причем в счет этой суммы во время следствия он внес в кассу райпотребсоюза 4849 р. 43 к. Кроме того, с него было списано в счет естественной убыли 230 руб., а на 1305 руб. Хитеев не представил оправдательных документов».

Приговор и определение подлежат отмене, а дело направлению на исследование по следующим основаниям:

Как видно из описательной части приговора, суд признал Хитеева виновным в недостаче. В приговоре не указаны причины образования недостачи, а равным образом не приведены доказательства, уличающие Хитеева в присвоении этой суммы.

Хитеев на предварительном следствии, не признавая себя виновным, показал, что он 6384 р. 86 к. не присвоил, а на эту сумму отпустил товары разным организациям.

Эти объяснения Хитеева нашли подтверждение в материалах дела, так как из вышеуказанной недостачи 4849 р. 43 к. действительно были перечислены разными организациями на текущий счет Райпотребсоюза, а 230 руб. были списаны на естественную убыль. Таким образом, при вычете всех этих сумм осталась недостача за Хитеевым в 1305 р. 43 к.

Хитеев виновным себя в присвоении 1305 руб. не признал и показал, что на эту сумму он также отпустил товары разным организациям, в том числе народному суду и райздравотделу.

Эти объяснения Хитеева по делу в достаточной степени не проверены, и представители указанных организаций по этому вопросу допрошены не были.

В деле имеются справки с подписями зав. райздравотделом Бабаева и народного судьи Заидова, утверждающих, что ни для райздравотдела, ни для народного суда они не получали указанных Хитеевым товаров.

Несмотря на то, что эти лица, заинтересованы в исходе дела, не могли участвовать в качестве свидетелей по делу, они в нарушение ст. 43 УПК РСФСР на судебном заседании принимали участие — Бабаев в

качестве народного заседателя, а Зайдов — председательствующего по делу.

При этих условиях приговор в силу ст. 404 УПК Азербайджанской ССР подлежит безусловной отмене, как вынесенный в незаконном составе суда.

Исходя из вышеизложенного, Су-

дебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор народного суда Марашинского района и определение Верховного суда Азербайджанской ССР в отношении Хитеева отменить и дело о нем направить на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

17. ПРИГОВОР ОТМЕНЕН КАК ВЫНЕСЕННЫЙ В НЕЗАКОННОМ СОСТАВЕ СУДА

Дело Курмангалиева. Определение Железнодорожной коллегии от 24 июня 1950 г.

По приговору линейного суда Карагандинской ж. д. Курмангалиев был осужден по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Курмангалиев признан виновным в том, что он, занимаясь извозным промыслом, совместно с раздатчиком топливного склада ст. Курорт-Боровое Кузнецовым, ранее осужденным по другому делу, в течение 1948—1949 гг. похитил около 9 т угля.

Приговор не может быть оставлен в силе, так как из дополнительно

поступивших материалов видно, что Кулакова, участвовавшая при рассмотрении этого дела в качестве народного заседателя, не была избрана народным заседателем.

Таким образом, это дело рассмотрено с нарушением ст. 41 УПК РСФСР, ввиду чего приговор в силу ч. 1 ст. 415 УПК РСФСР подлежит безусловной отмене.

Ввиду изложенного Железнодорожная коллегия определила:

Приговор в отношении Курмангалиева по настоящему делу отменить и дело направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

18. ГРУБОЕ НАРУШЕНИЕ СТ. СТ. 311 и 335 УПК РСФСР

Дело Микушева. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 13 мая 1950 г.

Приговором Верховного суда Коми АССР Микушев Н. И. в числе других был осужден по закону 7 августа 1932 г.

Верховный суд РСФСР приговор оставил в силе.

Микушев, работавший ст. бухгалтером Старожевского орс леспромхоза, по приговору признан виновным в том, что умышленно запутал учет и отчетность бухгалтерии, не

соблюдал порядка уничтожения отоваренных хлебных и продовольственных талонов, поступающих от заведующих магазинами орс, получил из склада шубу стоимостью 152 руб. и, составив на нее бестоварную накладную, передал ее вместе с деньгами в магазин орс, незаконно, без талонов, получил банку консервов, 1 кг 900 г кондитерских изделий и 50 г растительного масла.

Приведенные в описательной части приговора преступные действия Микушева не соответствуют фактическим обстоятельствам дела, согласно которым Микушев изобличен в систематических хищениях совместно с другими осужденными нормированных товаров, получении продуктов по ранее уже отоваренным талонам и участии в выпивках, устраиваемых осужденными за счет похищенных товаров. О размере хищений, в которых были изобличены Микушев и другие осужденные, можно видеть из того, что одного хлеба было похищено на 26 899 руб. по государственным ценам.

Отмеченные выше преступные действия, нашедшие полное подтверждение и на судебном следствии как в показаниях других осужденных, так и свидетелей, вошли в формулу обвинения Микушева по обвинительному заключению, и за эти действия он был предан суду.

В приговоре же эти действия не нашли отражения и в нарушение ст. 335 УПК РСФСР суд не указал, признает ли он доказанным обвине-

ние Микушева в этих преступных действиях или он считает их недоказанными. Вместе с тем суд в описательной части приговора привел ряд мелких эпизодов, как получение шубы стоимостью 152 руб. непосредственно из склада и получение без талонов незначительного количества продуктов, хотя эти факты Микушеву вовсе не инкриминировались. Этим суд нарушил ст. 311 УПК РСФСР и создал резкое несоответствие между описательной и резолютивной частями приговора, осудив Микушева за мелкие правонарушения, в которых суд признал его виновным по закону 7 августа 1932 г.

Ввиду допущенных судом нарушений ст. ст. 311, 319 и 335 УПК РСФСР, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по уголовным делам определила:

Приговор Верховного суда Коми АССР и определение Верховного суда РСФСР в отношении Микушева Н. И. отменить и дело о нем передать на новое рассмотрение со стадии судебного разбирательства в тот же суд в ином составе.

19. ПРИСУТСТВИЕ В СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ КОМНАТЕ ПОСТОРОННИХ ЛИЦ ДО УДАЛЕНИЯ СУДА НА СОВЕЩАНИЕ НЕ МОЖЕТ РАССМАТРИВАТЬСЯ КАК НАРУШЕНИЕ СТ. 317 УПК РСФСР. ОТМЕНЯЯ ПРИГОВОР С ПЕРЕДАЧЕЙ ДЕЛА НА НОВОЕ СУДЕБНОЕ РАССМОТРЕНИЕ, ВЫШЕСТОЯЩИЙ СУД ОБЯЗАН В СВОЕМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ДАТЬ КОНКРЕТНЫЕ, ТОЧНЫЕ УКАЗАНИЯ НИЖЕСТОЯЩЕМУ СУДУ ПО СУЩЕСТВУ ТЕХ ВОПРОСОВ, КОТОРЫЕ ПОСЛУЖИЛИ ОСНОВАНИЕМ К ОТМЕНЕ ПРИГОВОРА

Дело Цибаева и др. Определение Железнодорожной коллегии от 10 июня 1950 г.

По приговору линейного суда Орджоникидзевской ж. д. были осуждены: Цибаев — по ст. 109 УК РСФСР и ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»; Белан — по ст. 109, ч. 2, ст. 117 УК РСФСР ст. 2 упомянутого Указа от 4 июня 1947 г.; Залитко и Мезвришвили — по ст. ст. 118 и 107 УК РСФСР; Гудков — по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР.

Приговором по настоящему делу установлено, что Цибаев во время

своей работы в качестве начальника мостолетучки незаконно выдал 8223 руб. гражданке Ткаченко, которая убирала личную квартиру Цибаева. В период с апреля по октябрь 1949 года Цибаев похитил лесоматериалы, продав их за 2000 руб. В этот же период времени он похитил три тонны угля. Кроме того, он совместно с Белан пытался присвоить 1625 руб., полученных за незаконное использование им автомашины.

Белан, являясь главным механиком мостолетучки, в июле 1949 года взял для себя четыре оконных рамы,

не оплатив их стоимости; получил от Мезвришвили взятку в виде угощения вином за незаконное предоставление ему автомашины, а из полученных за это денег присвоил 375 руб.; пытался совместно с Цибаевым присвоить 1625 руб., также полученных за незаконное использование автомашины.

Мезвришвили, будучи членом колхоза, закупил на рынке станции Прохладная двух свиней и за взятку шоферам Гудкову, Шляхта и главному механику Белан в виде угощения вином получил автомашину, на которой вывез закупленных им свиней на территорию Грузинской ССР, где продал их с целью наживы.

Залитко, работая заготовителем Прималкинского сельпо, в целях спекуляции закупил в Грузии 464 кг яблок и 312 л вина, за провоз которых до станции Прохладная дал взятку шоферам Шляхта и Гудкову.

Шляхта, исполняя обязанности шофера автомашины, получил взятку от Залитко и от Мезвришвили. Кроме этого, он в целях спекуляции закупил на территории Грузинской ССР 86 л вина.

Гудков, являясь шофером автомашины, получил взятку от Залитко и от Мезвришвили за незаконный провоз груза на вверенной ему автомашине.

Окружной суд железнодорожного транспорта Кавказского округа, рассмотрев дело по кассационным жалобам Цибаева, Белан, Залитко, Шляхта, Гудкова и кассационному протесту прокурора Орджоникидзевской ж. д., который вносился на неправильное применение к Мезвришвили и Шляхта ст. 51 УК РСФСР и на необоснованное оправдание Ромадина, привлечавшегося к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР, — приговор по делу в целом отменил и дело передал на новое судебное рассмотрение.

В своем определении окружной суд не сделал должного анализа собранных по делу доказательств, а лишь выразил сомнение в правиль-

ности квалификации действий Цибаева и Белан в части обвинения их в незаконном предоставлении автомашины и в присвоении денег, вырванных от эксплуатации автомашины, а также и в правильности квалификации действий шоферов Шляхта и Гудкова по ч. 1 ст. 117 УК РСФСР.

Излагая свои сомнения по указанным вопросам и уклонившись от конкретного решения их, окружной суд грубо нарушил ст. 421 УПК РСФСР, которая возлагает на вышестоящий суд обязанность в случае отмены приговора дать конкретные указания суду первой инстанции по вопросам, послужившим основанием к отмене приговора.

Как на основании к отмене приговора в целом, окружной суд сослался на то, что линейный суд при постановлении приговора не соблюдал тайны совещательной комнаты, нарушив этим ст. 317 УПК РСФСР. К такому выводу окружной суд пришел на основании заявлений осужденных Цибаева, Белан и Залитко о том, что еще до окончания судебного заседания в совещательную комнату заходили посторонние лица.

Вывод окружного суда о нарушении линейным судом ст. 317 УПК РСФСР является неправильным, так как в самих заявлениях речь идет лишь о том, что в совещательную комнату заходили посторонние лица во время перерыва судебного заседания и до того, как суд удалился на совещание.

Между тем ст. 317 УПК воспрещает присутствие посторонних в совещательной комнате во время совещаний судей.

По изложенным основаниям Железнодорожная коллегия Верховного суда ССР определила:

Определение Окружного суда железнодорожного транспорта Кавказского округа по делу Цибаева, Белан, Залитко, Мезвришвили, Шляхта, Гудкова и Ромадина отменить и дело о них передать на новое кассационное рассмотрение.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

1. ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СУДОМ СПОРА ОБ УВОЛЬНЕНИИ РАБОТНИКА ПО п. «г» ст. 47 КЗОТ СУД ОБЯЗАН ВЫЯСНИТЬ, В ЧЕМ КОНКРЕТНО ВЫРАЗИЛОСЬ НАРУШЕНИЕ РАБОТНИКОМ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И КОГДА И ПРИ КАКИХ УСЛОВИЯХ ОНО ИМЕЛО МЕСТО

Определение по делу № 36/658 по иску Вороной о восстановлении на работу

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 24 июня 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение народного суда 2-го участка Октябрьского района г. Баку от 27 октября 1949 г. и определение Верховного суда Азербайджанской ССР от 28 ноября 1949 г. по иску Вороной к Научно-исследовательскому институту охраны материнства и младенчества о восстановлении на работу.

Судебная коллегия находит: Вороина работала медицинской сестрой в дизентерийном отделении Научно-исследовательского института охраны материнства и младенчества имени Крупской в г. Баку.

23 апреля 1949 г. Вороина была уволена с работы в институте по мотивам нарушения ею трудовой дисциплины.

В РКК стороны пришли к соглашению, что уволена Вороина правильно.

Постановлением Республиканского комитета Профсоюза медработников Азербайджанской ССР 15 октября 1949 г. решение РКК отменено с предоставлением права Вороной обратиться с иском в суд о восстановлении на работу.

Народный суд 2-го участка Октябрьского района г. Баку решением от 27 октября 1949 г. отказал в иске Вороной о восстановлении на работу.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Азербайджанской ССР 28 ноября 1949 г. решение народного суда оставила в силе.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Азербайджанской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Народный суд, отказывая в иске Вороной, сослался в своем решении на то, что она уволена за нарушение трудовой дисциплины в соответствии с п. «г» ст. 47 КЗоТ.

По этим же мотивам и Верховный суд Азербайджанской ССР оставил решение народного суда в силе, а жалобу Вороной отклонил.

Между тем ни в решении народного суда, ни в определении Верховного суда Азербайджанской ССР не указано, в чем конкретно выразилось нарушение Вороной трудовой дисциплины, когда и при каких обстоятельствах оно имело место.

Не указано конкретных фактов нарушения Вороной трудовой дисциплины и в приказе директора института о ее увольнении.

В материалах дела имеются указания, что Воронина допустила случай ожога горячей водой ребенка, за что на Воронину было наложено дисциплинарное взыскание 9 апреля 1949 г. в виде строгого выговора с предупреждением.

Других фактов умышленного нарушения трудовой дисциплины со стороны Вороной по делу не установлено. Поэтому увольнение Вороной по п. «г» ст. 47 КЗоТ РСФСР нельзя признать обоснованным. Согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 25 декабря 1941 г. № 46/32-у «Об условиях применения пункта «г» ст. 47 КЗоТ», п. «г» ст. 47 КЗоТ может быть применен только в тех случаях, когда нарушение правил внутреннего распорядка со стороны нанявшегося приняло систематический характер, а примененные к нему меры дисциплинарного воздействия, указанные в п. 20 Типовых правил внутреннего трудового распорядка, утвержденных СНК

СССР 18 января 1941 г., не привели к должным результатам, ввиду чего дальнейшее оставление нанявшегося на работе находится в противоречии с интересами производства.

При новом рассмотрении дела суду надлежит проверить, были ли со стороны Вороной случаи нарушения трудовой дисциплины после 9 апреля 1949 г. и не являлось ли ее увольнение, как это утверждает Воронина, следствием поданного ею в директивные органы заявления о неправильных действиях врача, заведующего дизентерийным отделением.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда 2-го участка Октябрьского района г. Баку от 27 октября 1949 г. и определение Верховного суда Азербайджанской ССР от 28 ноября 1949 г. и дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд Азербайджанской ССР с участием прокурора.

2. ЕСЛИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ТРУДОВОГО КОНФЛИКТА В РАСЦЕНОЧНО-КОНФЛИКТНОЙ КОМИССИИ СОГЛАШЕНИЕ СТОРОН НЕ ДОСТИГНУТО, СПОР МОЖЕТ БЫТЬ ПЕРЕНЕСЕН НА РАССМОТРЕНИЕ В СУД

*Определение по делу № 36/346 по иску Шенгелия
к Министру просвещения Грузинской ССР
о восстановлении в должности*

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Союза ССР рассмотрела в заседании от 12 апреля 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на определение Верховного суда Грузинской ССР по иску Шенгелия к Министерству просвещения Грузинской ССР и соответчику — 2-й женской средней школе г. Тбилиси о восстановлении в должности.

Судебная коллегия находит: Шенгелия работала в женской средней школе № 2 г. Тбилиси в должности учительницы истории.

Приказом по Министерству просвещения Грузинской ССР она была уволена от работы по сокращению штатов.

После рассмотрения заявления Шенгелии в РКК, где стороны к соглашению не пришли, Шенгелия предъявила в народном суде иск о восстановлении ее на работе.

Народный суд 1-го участка Кировского района г. Тбилиси в иске Шенгелии отказал и одновременно предложил Министерству просвещения Грузинской ССР использовать

Шенгелию преподавателем в другой школе.

Определением Верховного суда Грузинской ССР решение народного суда отменено и дело производством прекращено за неподсудностью.

Протест Генерального Прокурора СССР об отмене решения народного суда и определения Верховного суда Грузинской ССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Прекращая дело производством, Судебная коллегия Верховного суда Грузинской ССР в своем определении указала, что, поскольку истица свое увольнение обжаловала в ЦК Союза работников начальных и средних школ и ее ходатайство оставлено без удовлетворения, она должна была обжаловать постановление ЦК союза в вышестоящий профсоюзный орган, а так как Шенгелия с такой жалобой не обратилась, дело не подлежит судебному рассмотрению.

Следует признать, что такие выводы Верховного суда Грузинской ССР не основаны на законе. Истица вправе была обратиться в суд, так как трудовой конфликт по поводу ее увольнения не получил своего разрешения в РКК.

Обязанность суда рассмотреть такой иск предусмотрена ст. 21 «Правил о примирительно-третейском и судебном рассмотрении трудовых конфликтов», утвержденных ЦИК и СНК СССР 29 августа 1928 г. (СЗ СССР 1928 г. № 56).

То обстоятельство, что Шенгелия до обращения в суд обжаловала свое увольнение в вышестоящий

профсоюзный орган, не имеет значения в смысле права истицы обратиться с иском в суд, так как, поскольку соглашения сторон при рассмотрении спора в РКК не достигнуто, иск этот мог быть перенесен на разрешение судебных органов.

При этих данных у Судебной коллегии Верховного суда Грузинской ССР не было законных оснований для прекращения дела производством.

Вместе с тем следует отметить, что правильность решения народного суда вызывает сомнение, поскольку суд не исследовал действительных причин увольнения истицы.

Из материалов дела видно, что после увольнения истицы на ее должность был принят другой работник. Это обстоятельство должно быть проверено, так как, если истица была уволена по мотивам сокращения штатов, но фактически сокращения штатов не было, она подлежит восстановлению в своей прежней должности.

При рассмотрении дела суду надлежит учесть, что истица Шенгелия имеет 20-летний стаж педагогической работы и за время работы в средней школе № 2 г. Тбилиси каких-либо взысканий не имела.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение народного суда от 3 октября 1947 г. и определение Верховного суда Грузинской ССР от 16 октября 1947 г. и направить дело на новое рассмотрение в Верховный суд Грузинской ССР по первой инстанции с участием прокурора.

3. ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРА МЕЖДУ РОДИТЕЛЯМИ О ДЕТЯХ, ДОСТИГШИХ 14-ЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА, СУД ОБЯЗАН УЧИТЫВАТЬ ЗАЯВЛЕНИЯ ДЕТЕЙ О ТОМ, У КОГО ИЗ РОДИТЕЛЕЙ ОНИ ЖЕЛАЮТ ОСТАТЬСЯ НА ВОСПИТАНИИ

Определение по делу № 36/589 по иску С. к М. о передаче сына

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 7 июня

1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Верховного суда Грузинской ССР от

18 октября 1948 г. по иску С. к М. о передаче сына на воспитание истцу.

Судебная коллегия находит: С. предъявил иск к бывшей жене М. о передаче ему на воспитание сына Вилен, 1937 года рождения.

18 октября 1948 г. Верховный суд Грузинской ССР, рассмотрев дело по первой инстанции, решил в иске С. отказать, а мальчика передать на воспитание матери, взыскать с С. на содержание сына 25% зарплаты от-ветчика.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения под-лежит удовлетворению по следу-ющим основаниям:

Мальчику Вилену в настоящее время 14 лет. С 1946 г. он находит-ся фактически на воспитании у от-ца, т. е. истца по настоящему делу. При рассмотрении дела в суде маль-чик Вилен заявил, что он хотел бы

остаться жить у отца, а не у мате-ри. В 1949 г. при попытке исполнить решение суда о передаче мальчика Вилен на воспитание матери по-следний категорически отказался оставить отца и выехать к матери.

При наличии столь определенно выраженного мальчиком Виленом желания жить с отцом, а не с ма-терью, передачу мальчика матери при помощи принудительных мер нельзя признать допустимой, тем бо-лее, что оставление его у отца не лишает мать права принимать уча-стие в его воспитании, чему отец мальчика не создает препятствий.

Ввиду изложенного Судебная кол-легия по гражданским делам Вер-ховного суда СССР определила:

Отменить решение Верховного су-да Грузинской ССР от 18 октября 1948 г. и направить дело на новое рассмотрение в тот же суд в другом составе с участием прокурора.

**4. ПРИ НАЛИЧИИ ВСТУПИВШЕГО В ЗАКОННУЮ СИЛУ РЕШЕНИЯ СУДА
О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ С ОТВЕТЧИКА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНИМ
ИСКА О ПРИЗНАНИИ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСИ ЕГО ОТЦОМ РЕБЕНКА
ПРОТИВОРЕЧИТ ст. 2 ГК**

*Определение по делу № 36/505 по иску Плужниковой
к Сердобинцеву о взыскании алиментов*

Судебная коллегия по граждан-ским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 20 мая 1950 г. протест Председателя Вер-ховного суда СССР на решение Ташкентского областного суда от 1 сентября 1949 г. и определения Верховного суда Узбекской ССР от 17 сентября 1949 г. и от 8 октября 1949 г. по иску Плужниковой к Сер-добинцеву о взыскании алиментов и по иску Сердобинцева к Плужнико-вой о признании недействительной записи его отцом ребенка.

Судебная коллегия находит: Плужникова предъявила в суде иск к Сердобинцеву о взыскании алимен-тов на содержание ребенка — Сердо-бинцевой Нины, родившейся 22 фев-раля 1944 г.

Народный суд 4-го участка Ленинского района г. Ташкента 21 ав-

густа 1948 г. решил: взыскивать с Сердобинцева алименты на содержа-ние дочери Нины, 1944 года рожде-ния, 1/4 часть со всех видов заработ-ка, начиная с 16 мая 1948 г. до со-вершеннолетия дочери.

Ташкентский областной суд опре-делением от 13 сентября 1948 г. ре-шение народного суда оставил в силе.

В январе 1949 г. Сердобинцев об-ратился в суд с иском о признании недействительной записи его отцом ребенка Плужниковой, произведен-ной органами загса 22 февраля 1944 г., ссылаясь на то, что вначале ребенок был зарегистрирован на фа-милию Плужниковой, а затем в кни-гах загса было внесено исправление и указан отцом ребенка Сердобинцев.

Решением от 1 сентября 1949 г. Ташкентский областной суд признал

недействительной запись Сердобинцева отцом в свидетельстве о рождении ребенка, произведенную Ленинским бюро загса 8 марта 1944 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР 17 сентября 1949 г. решение оставила в силе.

По протесту Председателя Верховного суда Узбекской ССР Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР 8 октября 1949 г. отменила решение народного суда 4-го участка Ленинского района г. Ташкента от 21 августа 1948 г. и определение Ташкентского областного суда от 13 сентября 1948 г. и дело производством прекратила за отсутствием у Плужниковой права на иск.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения Ташкентского областного суда от 1 сентября 1949 г., определения Верховного суда Узбекской ССР от 17 сентября 1949 г. и определения того же Верховного суда Узбекской ССР от 8 октября 1949 г. и оставлении в силе решения народного суда от 21 августа 1948 г. и определения Ташкентского областного суда от 13 сентября 1948 г. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Узбекской ССР своим определением от 8 октября 1949 г. отменила решение народного суда 4-го участка Ленинского района г. Ташкента от 21 августа 1948 г. и определение Ташкентского областного суда от 13 сентября 1948 г. о взыскании с Сердобинцева алиментов на дочь Нину в пользу Плужниковой и дело производством прекратила, сославшись на решение Ташкентского областного суда от 1 сентября 1949 г. о признании недействительной записи Сердобинцева отцом ребенка, родившегося у Плужниковой.

Между тем указанное решение областного суда является неправильным, так как вопрос о признании недействительной записи отцом

ребенка Сердобинцева обсуждался народным судом 4-го участка Ленинского района г. Ташкента 21 августа 1948 г., при разрешении дела о взыскании алиментов.

Суд установил, что стороны состояли в фактическом браке с 1939 г. по сентябрь 1943 г. В феврале 1944 г. у Плужниковой родилась дочь, отцом которой в органах загса записан был ответчик Сердобинцев, и этой записи он не оспаривал до 1948 г.

При этих обстоятельствах, когда суд, обсудив вопрос о недействительности регистрации ребенка органами загса на фамилию Сердобинцева, признал доводы последнего необоснованными и в соответствии с имеющимися в деле доказательствами вынес правильное решение о взыскании с него алиментов на содержание дочери Нины и это решение вступило в законную силу, — у Ташкентского областного суда не было оснований для вторичного рассмотрения иска Сердобинцева, заявленного им в 1949 г., о признании недействительной записи его отцом ребенка, так как это противоречит ст. 2 ГПК Узбекской ССР.

Поскольку решение Ташкентского областного суда от 1 сентября 1949 г. является неправильным, как вынесенное в противоречии с законом, неправильным также является и определение Верховного суда Узбекской ССР от 8 октября 1949 г., которым, на основании решения областного суда от 1 сентября 1949 г., было отменено решение народного суда от 21 августа 1948 г. и прекращено производство по делу о взыскании с Сердобинцева алиментов на содержание ребенка.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила.

Отменить решение Ташкентского областного суда от 1 сентября 1949 г. и определение Верховного суда Узбекской ССР от 17 сентября 1949 г. и в иске Сердобинцеву к Плужниковой о признании недей-

ствительной записи его отцом ребенка Нины, рождения 22 февраля 1944 г., — отказать.

Отменить также определение Верховного суда Узбекской ССР от 8 октября 1949 г. и оставить в силе решение народного суда 4-го участ-

ка Ленинского района г. Ташкента от 21 августа 1948 г. и определение Ташкентского областного суда от 13 сентября 1948 г. о взыскании с Сердобинцева алиментов на содержание дочери Нины.

5. СУД МОЖЕТ ПРИЗНАТЬ ДОМ, ПРИНАДЛЕЖАВШИЙ ОДНОМУ ИЗ СУПРУГОВ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК, ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ СУПРУГОВ, ЕСЛИ УСТАНОВЛЕНО, ЧТО ДРУГИМ СУПРУГОМ ВКЛАДЫВАЛИСЬ ТРУД И СРЕДСТВА В СОДЕРЖАНИЕ И КАПИТАЛЬНО-ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ РЕМОНТ ДОМА

Определение по делу № 36/402 по иску Николаенко П. П. к Николаенко М. Д. о расторжении брака и разделе имущества

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 26 апреля 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Кировоградского областного суда от 10 июня 1947 г. по иску Николаенко П. П. к Николаенко М. Д. о расторжении брака и разделе имущества.

Судебная коллегия находит: Кировоградский областной суд, рассмотрев дело по иску Николаенко П. П. к Николаенко М. Д. о расторжении брака и разделе имущества, 10 июня 1947 г. решил: расторгнуть брак между Николаенко П. П. и Николаенко М. Д. Детей: Николаенко Алика, 1935 года рождения, и Николаенко Люду, 1940 года рождения, оставить на воспитании матери — Николаенко М. Д. и взыскивать с Николаенко П. П. на содержание двух детей 1/3 часть ежемесячного заработка с 10 июня 1947 г. до совершеннолетия детей. Кроме того, судом произведен раздел имущества между супругами, причем дом признан собственностью Николаенко П. П., в иске Николаенко М. Д. о разделе дома отказано.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения областного суда в части отказа в иске Николаенко М. Д. о разделе дома и признания права собственности на дом за Николаенко П. П. подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Как усматривается из материалов дела, стороны состояли в зарегистрированном браке с 1932 года, имеют от этого брака двух детей, с которыми ответчица проживает в спорном доме.

По утверждению ответчицы дом во время военных действий в результате бомбежки был поврежден, и она своими средствами, без помощи мужа, произвела капитально-восстановительный ремонт дома, затратив 15 тыс. руб., поэтому она просила суд произвести раздел дома.

Суд не проверил утверждений ответчицы по этому вопросу и отказал ей в иске только на том основании, что дом был приобретен истцом до вступления в брак с ответчицей. Между тем, если установлено, что ответчица действительно произвела капитально-восстановительный ремонт дома, то с учетом того обстоятельства, что при ответчице осталось двое детей, суду следовало обсудить вопрос о закреплении за ответчицей соответствующей части дома.

Следует отметить, что из приобретенного к этому делу второго дела видно, что истец Николаенко после признания за ним права собственности на дом предъявил в суде иск о выселении из дома его бывшей жены с детьми.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение Кировоградского областного суда от 10 июня 1947 г. в части отказа в иске Николаенко М. Д. о разделе дома и признания права собственности на дом за Николаенко П. П. и дело в этой

части объединить с делом по иску Николаенко П. П. к Николаенко М. Д. о выселении и передать на новое рассмотрение Кировоградскому областному суду в ином составе судей с участием прокурора.

6. ПО ДЕЛАМ О ВЫСЕЛЕНИИ ИЗ ДОМОВ ВЕДОМСТВ СУЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ДЕЛА ИМЕЕТ ВОПРОС О ТОМ, КОГДА И ПО КАКОМУ ОСНОВАНИЮ ПОЛУЧИЛ ОТВЕТЧИК ЖИЛУЮ ПЛОЩАДЬ В ДОМЕ

Определение по делу № 36/637 по иску Рыбкомбината к Бородкину и Колышевой о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 17 июня 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 4-го участка г. Уральска от 28 января 1950 г. и на определение Западно-Казахстанского областного суда от 10 марта 1950 г. по иску Рыбкомбината к Бородкину и Колышевой о выселении.

Судебная коллегия находит: Рыбкомбинат обратился в суд с иском о выселении из принадлежащего ему дома ответчиков Бородкина и Колышевой ввиду того, что ответчики в трудовых отношениях с Госрыбкомбинатом не находятся и что помещение, занимаемое ими, необходимо для использования под контору комбината.

Народный суд Центрального района г. Уральска от 7 августа 1948 г. иск Рыбкомбината удовлетворил и постановил выселить ответчиков из занимаемых ими помещений с предоставлением им другой жилой площади.

Западно-Казахстанский областной суд 13 мая 1949 г. решение народного суда отменил и дело передал на новое рассмотрение.

Рассмотрев дело вторично, народный суд 20 мая 1949 г. также удовлетворил иск Рыбкомбината, но возложил на Горжилуправление обязанность предоставить ответчикам другое годное для жилья помещение.

Западно-Казахстанский областной суд 20 июля 1949 г. это решение народного суда оставил в силе.

По протесту Прокурора Казахской ССР Верховный суд Казахской ССР определением от 31 декабря 1949 г. решение народного суда и определение областного суда отменил по тем мотивам, что в силу ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. жилая площадь ответчикам должна быть предоставлена истцом, а не горжилуправлением.

При новом рассмотрении дела народный суд 28 января 1950 г. в иске Рыбкомбинату отказал по тем основаниям, что истец не представил суду данных о предоставлении ответчикам взамен занимаемой другой жилой площади.

Западно-Казахстанский областной суд это решение народного суда оставил в силе.

Соглашаясь частично с протестом Генерального Прокурора СССР, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР считает, что все состоявшиеся по делу решения и определения подлежат отмене.

Суд не выяснил по настоящему делу, когда и на каком основании вселились ответчики на спорную площадь. Равно не установлено по делу и то, почему дом, в котором находится спорная площадь, был передан из муниципального фонда в

ведение Рыбкомбината. Выяснение этих обстоятельств имеет существенное значение для дела.

Если будет установлено, что указанный дом все время принадлежал Госрыбкомбинату и ответчикам спорная площадь была предоставлена в связи с трудовыми отношениями с истцом, которые прекратились по причинам, дающим право на административное выселение, то суд вообще тогда неправильно принял это дело к своему производству, как ему не подсудное (ст. 31 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г.). Если же окажется, что дом, в котором проживали ответчики, был передан Рыбкомбинату в обмен на другой дом, принадле-

жавший Рыбкомбинату, тогда последний, если и может требовать выселения ответчиков по мотивам отсутствия у них с собственником дома трудовой связи, то только в порядке ст. 32 указанного закона, т. е. при условии предоставления выселяемым другого годного для жилья помещения.

На основании изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все состоявшиеся по делу судебные решения и определения отменить и дело передать на новое рассмотрение по первой инстанции в Западно-Казахстанский областной суд с участием прокурора.

7. ЛИЦА, ВСЕЛИВШИЕСЯ В ПОМЕЩЕНИЕ ДО ПЕРЕХОДА ДОМА В ВЕДЕНИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ, ПРЕДПРИЯТИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ, МОГУТ БЫТЬ ВЫСЕЛЕНЫ ПО МОТИВАМ ОТСУТСТВИЯ У НИХ ТРУДОВОЙ СВЯЗИ С УЧРЕЖДЕНИЕМ, ПРЕДПРИЯТИЕМ ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ С ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ В СООТВЕТСТВИИ СО ст. 32 ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦИК И СНК СССР от 17/X—1937 г.

Определение по делу № 36/466 по иску Особой строительномонтажной части к Шевцову о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев в заседании от 10 мая 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение народного суда 2-го участка Дзержинского района г. Харькова, определение Харьковского областного суда и определение Верховного суда УССР по иску Особой строительномонтажной части к Шевцову Дмитрию Кузьмичу о выселении, находит:

Исковые требования к ответчику о выселении из занимаемой им квартиры, находящейся в г. Харькове по ул. Ромен Роллана, д. № 7, кв. 18, были заявлены по тем основаниям, что указанный дом является ведомственным и ответчик трудовой связи с особой строительномонтажной частью не имеет, при этом истец обязывался предоставить ответчику другую жилую площадь.

Рассмотрев это дело, народный суд 2-го участка Дзержинского района г. Харькова решением постано-

вил в иске истцу отказать по тем основаниям, что ответчик вселился в квартиру из разрушенного дома.

Определением Харьковского областного суда решение народного суда было отменено и постановлено выселить Шевцова с членами его семьи из спорной квартиры, передав ее в распоряжение ОСМЧ, и обязать истца предоставить выселяемым другую площадь.

Верховный суд УССР отменил определение Харьковского областного суда и оставил в силе решение народного суда, согласно которого в иске ОСМЧ о выселении Шевцова было отказано.

Дело по протесту Генерального Прокурора СССР подлежит новому рассмотрению.

Оставляя в силе решение народного суда об отказе в иске о выселении Шевцова, Верховный суд УССР указал, что ответчик вообще не подлежит выселению из ведомственного дома, поскольку спорная жилая

площадь была заселена до передачи дома истцу, ответчик же до войны проживал в этом же доме, но в другой квартире, которая в период оккупации г. Харькова была разрушена.

Утверждение, что ответчик не может быть выселен из ведомственного дома, является неправильным.

Согласно ст. 23 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., съемщики жилой площади, вселившиеся в помещение до перехода дома в ведение учреждения, предприятия и организации, могут быть выселены из занимаемых помещений по мотивам отсутствия трудовой связи. Однако такое выселение может быть проведено в соответствии со ст. 32 постановления ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. с обязательным предоставлением жилой площади, удовлетворяющей санитарным тре-

бованиям и равной по площади той, которую они занимают в момент предъявления к ним требования о выселении.

Определение Харьковского областного суда о выселении ответчика со спорной площади также нельзя признать отвечающим требованиям ст. 23 указанного выше постановления Пленума Верховного суда СССР, поскольку суд не указал, какая именно жилая площадь должна быть предоставлена ответчику.

Ввиду изложенного, соглашаясь с протестом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Все состоявшиеся по делу решения и определения отменить и дело для нового рассмотрения передать в Харьковский областной суд по первой инстанции с участием прокурора.

8. СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ МОЖЕТ БЫТЬ ВЫНЕСЕНО ЛИШЬ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ЯВЛЯЮЩИХСЯ СТОРОНОЙ ПО ДЕЛУ

Определение по делу № 36/421 по иску Горжилуправления к Чувелеву о выселении

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР, рассмотрев в заседании от 29 апреля 1950 г. протест Генерального Прокурора СССР на решение Верховного суда Молдавской ССР от 12 декабря 1949 г. по иску Горжилуправления к Чувелеву о выселении, находит: Тираспольское горжилуправление предъявило иск к Чувелеву Ф. С. о выселении с площади в доме № 34 по улице Пушкинской на том основании, что на этой жилплощади он фактически не проживает свыше шести месяцев.

Народный суд 1-го участка г. Тирасполя решением от 18 ноября 1948 г. иск Горжилуправления удовлетворил, выданный ордер Чувелеву признал недействительным и освободившуюся площадь передал в распоряжение Горжилуправления.

Верховный суд Молдавской ССР определением от 30 сентября 1948 г. указанное решение отменил и дело передал на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении дела народный суд 1-го участка г. Тирасполя 20 октября 1949 г. вторично вынес решение о выселении Чувелева со спорной площади.

Верховный суд Молдавской ССР определением от 2 ноября 1949 г. и это решение народного суда отменил, приняв дело для рассмотрения к своему производству по первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда Молдавской ССР 12 декабря 1949 г. вынесла решение, которым в иске Тираспольскому горжилуправлению о выселении Чувелева отказала и в порядке поворота решения спорную

комнату передала в пользование Чу-велева, постановив выселить из нее проживающих лиц.

Поскольку в решении суда не были перечислены лица, подлежащие выселению, и не указаны их фамилии, Верховный суд Молдавской ССР 29 декабря 1949 г. вынес определение в порядке толкования решения о выселении из спорной комнаты дома № 34 по улице Пушкина гр-на Жолтикова.

По протесту Генерального Прокурора СССР дело подлежит пересмотру по следующим основаниям:

Согласно ст. 31 постановления Пленума Верховного суда СССР от 12 декабря 1940 г., при постановлении решения о выселении суды обязаны в резолютивной части решения точно указать имена, отчества и фамилии всех совершеннолетних лиц, подлежащих выселению.

В данном случае суд, вынося решение, не только не выполнил требований ст. 31 указанного постановления, но даже не выяснил, кто в спорной жилплощади проживает, и не привлек этих лиц в соответствии со ст. 186 ГПК УССР к участию в деле в качестве соответчиков, поэтому такое решение суда не может быть признано правильным. Неправиль-

ным является и определение Верховного суда Молдавской ССР от 29 декабря 1949 г., вынесенное в порядке толкования решения.

Согласно этому определению, выселению из спорной комнаты подлежит гр-н Жолтиков, который в суд в обоих случаях не вызывался, своих объяснений не давал, и его право на спорную жилплощадь судом не выяснено.

Между тем из жалобы Жолтикова видно, что комната ему предоставлена по ордеру райжилуправлением, семья его состоит из трех человек.

При новом рассмотрении дела суду надлежит привлечь Жолтикова в качестве соответчика, установить, в каком порядке он поселен на спорную жилплощадь, и в соответствии с собранными доказательствами вынести решение.

В силу изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение Верховного суда Молдавской ССР от 12 декабря 1949 г. и определение того же суда от 29 декабря 1949 г. отменить. Дело передать на новое рассмотрение в Верховный суд Молдавской ССР в другом составе судей с участием прокурора.

9. НЕПРАВИЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ СУДОМ ст. 185 ГПК РСФСР

Определение по делу № 36/371 по иску Еременко к Гавриловой о разделе жилой площади

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 22 апреля 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на определение Ленинградского городского суда от 3 марта 1949 г. и определение Верховного суда РСФСР от 4 июня 1949 г. по иску Еременко к Гавриловой о разделе жилой площади.

Судебная коллегия находит:

В декабре 1948 г. Еременко предъявил иск к своей бывшей жене Гавриловой, брак с которой был им расторгнут 29 сентября 1948 г., о раз-

деле квартиры, состоящей из четырех комнат (21, 11 кв. м, 17,51 кв. м, 11,66 кв. м и 5,81 кв. м), претендуя на две комнаты 11,66 и 5,81 кв. м.

В процессе рассмотрения дела в качестве соответчиков были привлечены: сын ответчика — Гаврилов Леонид и его жена — Гаврилова А. А.

Решением народного суда 7-го участка Октябрьского района г. Ленинграда от 14 февраля 1949 г. было постановлено признать за Еременко право на 9 кв. м общей жилой площади квартиры.

Определением Ленинградского городского суда от 3 марта 1949 г. это решение изменено и за Еременко признано право на комнату размером 17 кв. м.

Верховный суд РСФСР определением от 4 июня 1949 г. отклонил протест Председателя Верховного суда РСФСР, предлагавшего отменить определение Ленинградского городского суда и оставить в силе решение народного суда от 14 февраля 1949 г.

Определением народного суда 7-го участка Октябрьского района г. Ленинграда от 17 сентября 1949 г., вынесенным в порядке ст. 185 ГПК РСФСР, было постановлено: выселить Гаврилова вместе с членами его семьи из комнаты размером 17 кв. м.

Протест Председателя Верховного суда СССР об оставлении в силе решения народного суда от 14 февраля 1949 г. и об отмене всех последующих определений подлежит удовлетворению по следующим основаниям:

Изменяя решение народного суда от 14 февраля 1949 г., Ленинградский городской суд исходил из того положения, что при разделе жилой площади следует учитывать всю площадь, имеющуюся в квартире, т. е. все четыре комнаты, и что право на площадь в квартире имеют только четыре человека.

В определении Ленинградского городского суда было указано также на то, что две комнаты — 11,66 и 5,81 кв. м ответчица неправильно, без согласия истца перевела на своего сына Александра, второй же сын ответчицы Леонид на спорной площади не жил, отсутствовал более года и право на жилую площадь в квартире утратил.

С этими мотивами согласился и Верховный суд РСФСР, оставляя в силе определение Ленинградского городского суда от 3 марта 1949 г.

Из материалов дела усматривается, что в 1941 г. ответчица Гаврилова вышла замуж за истца Еременко, который и был как муж прописан на ее площадь.

После перепланировки квартиры, произведенной в 1947 г., на комнаты 11,66 и 5,81 кв. м по решению народного суда 8-го участка Октябрьского района г. Ленинграда от 16 июня 1948 г. был открыт отдельный лицевой счет на сына ответчицы Гаврилова Александра, демобилизованного из Советской Армии.

Следовательно, суду при разрешении спора о разделе жилой площади следовало принимать во внимание не четыре, а только две комнаты — 17,51 кв. м и 21,11 кв. м. На эти две комнаты имеют равное с истцом и ответчицей право также сын ответчицы Гаврилов Леонид, его жена и ребенок.

Ленинградский городской суд несомненно признал Гаврилова Леонида и членов его семьи утратившими право на жилую площадь.

Гаврилов Леонид с июля 1948 г. проживает на спорной площади с женой и ребенком. Ранее он проживал на этой площади вместе с матерью — ответчицей по делу — и с этой площади был мобилизован в Советскую Армию.

Право Гаврилова на жилую площадь никем не оспаривается, и иска о признании его утратившим право на жилую площадь никто к Гаврилову не предъявляет.

При этих обстоятельствах дела народный суд 7-го участка Октябрьского района правильно постановил выделить на долю истца лишь часть жилой площади, имеющейся в двух комнатах с учетом пяти человек, проживающих в этих комнатах с правом на площадь.

Определение народного суда 7-го участка Октябрьского района г. Ленинграда от 17 сентября 1949 г., согласно которого Гаврилов подлежит выселению, — является неправильным. Поводом для вынесения такого определения послужило заявление истца об истолковании решения в том смысле, что поскольку Гаврилов рассматривается судом лицом, утратившим право на площадь, он подлежит выселению из комнаты в 17 кв. м.

Однако, в соответствии со ст. 185 ГПК РСФСР, предметом истолкования в данном случае могло бы быть решение суда о разделе между сторонами жилой площади. Но решение это в разъяснении и истолковании не нуждается. Изменять же в порядке ст. 185 ГПК РСФСР содержание состоявшегося решения, вносить в решение изменения по существу, а тем более выносить решение в отношении требований, не предъ-

являвшихся к ответчику в процессе, народный суд был не вправе.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Решение народного суда 7-го участка Октябрьского района г. Ленинграда от 14 февраля 1949 г. оставить в силе и отменить все последующие определения по настоящему делу.

10. НЕОБОСНОВАННОЕ ВОЗЛОЖЕНИЕ НА КОЛХОЗ ОБЯЗАННОСТИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ РАБОТНИКА РАЙОННОГО ФИНАНСОВОГО ОТДЕЛА

Определение по делу № 36/350 по иску Нежинской сберегательной кассы к колхозу «Червоный Кобзарь» и др. о взыскании 10 тыс. руб.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР рассмотрела в заседании 15 апреля 1950 г. протест Председателя Верховного суда СССР на решение Черниговского областного суда от 9 февраля 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 28 февраля 1949 г. по иску Нежинской сберегательной кассы № 204 к колхозу «Червоный Кобзарь», Сиротенко, Гришко и др. о взыскании 10 тыс. руб.

Судебная коллегия находит:

Черниговский областной суд 9 февраля 1949 г., рассмотрев по первой инстанции гражданское дело по иску Нежинской центральной сберегательной кассы № 204 к колхозу «Червоный Кобзарь», Сиротенко И. П., Гришко И. Я., Пинчук М. Е., Кирпичной М. П., Охотько М. О. и Бородавка-Латиной О. Ф. о взыскании 10 тыс. руб. за реализованные билеты 4-й денежно-вещевой лотереи, решил: взыскать с колхоза «Червоный Кобзарь» в пользу Нежинской сберегательной кассы № 204 10 тыс. руб. и судебные расходы 100 руб. В иске к Гришко, Сиротенко, Пинчук, Герасименко, Бо-

родавка-Латиной, Кирпичной и Литов-Рогскому сельсовету отказать. Предоставить колхозу «Червоный Кобзарь» право регресса к Литов-Рогскому сельсовету, Бородавка и др.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда УССР определением от 28 февраля 1949 г. решение областного суда оставила в силе с изменением — от ответственности перед сберкассой № 204 освобождены Сиротенко, Гришко, Пинчук, Герасименко и Кирпичная.

Протест Председателя Верховного суда СССР об отмене решения областного суда и определения Верховного суда УССР подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Как усматривается из материалов дела, Нежинской сберегательной кассой № 104 были переданы колхозу «Червоный Кобзарь» для реализации среди колхозников билеты 4-й денежно-вещевой лотереи на сумму 23 125 руб., и на колхоз был открыт лицевой счет в сберегательной кассе.

Согласно документов, имеющих в деле, в сберкассе после реализа-

ции лотерейных билетов от колхоза поступило 13 125 руб., а остальная сумма 10 тыс. руб. не поступила, лотерейные билеты на эту сумму не возвращены, а потому истец предъявил в суде иск о взыскании 10 тыс. руб.

Областной суд при разрешении настоящего дела, по существу, не исследовал всех обстоятельств по делу и не установил действительных прав и взаимоотношений сторон, чем нарушил ст. ст. 7 и 138 ГПК УССР.

Судом установлено, что лотерейные билеты на сумму 10 тыс. руб. уполномоченными колхоза были реализованы и деньги от реализации лотерейных билетов были сданы фин-агенту Бородавка, последняя же без разрешения РФО и сберкассы деньги, полученные от реализации лотерейных билетов и собранные ею с населения разные денежные платежи, всего в сумме 16 470 руб., передала инспектору РФО Дубовик, которая присвоила указанную сумму денег, за что и была осуждена в уголовном порядке. Взыскание с колхоза исковой суммы суд мотивировал тем, что колхоз, на который была возложена обязанность реализации лотерейных билетов и контроль за этой операцией, не обеспечил надлежащего контроля и тем самым причинил сберкассе ущерб.

Соображения областного суда являются необоснованными:

Как указано в самом решении суда, все деньги от реализации лотерейных билетов были сданы фин-агенту Бородавка, что подтверждено расписками, имеющимися в деле. Бородавка не допрошена в суде. Между тем в своем письме на имя заместителя председателя областного суда Бородавка указывает, что 10 тыс. руб. от реализации лотерейных билетов она действительно получила и что эти деньги, равно как и другие, собранные от населения, всего в сумме 16 470 руб., она сдала

под расписку инспектору РФО Дубовик, и эта расписка находится в уголовном деле по обвинению Дубовик.

По заявлению Бородавка, деньги от реализации лотерейных билетов она передала инспектору РФО Дубовик не без разрешения РФО, как об этом указано в решении суда, а согласно распоряжения старшего инспектора РФО Бовкун, который на совещании в РФО предложил всем финансовым агентам собранные денежные платежи от населения и деньги от реализации лотерейных билетов сдавать инспектору РФО, причем для этой цели были специально разсланы участковые инспектора РФО, которым и сдавались деньги как по налогам, так и от реализации лотерейных билетов.

Поскольку колхоз через своих уполномоченных сдал собранные от реализации лотерейных билетов деньги инспектору РФО, а за преступные действия работников РФО не может нести ответственность, тем более, что из копии приговора народного суда Нежинского района от 26 апреля 1945 г. видно, что с осужденной Дубовик взыскана присвоенная ею сумма в пользу РФО, возложение ответственности на колхоз следует признать неправильным.

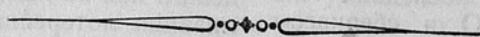
Таким образом, областной суд вынес решение по необследованным материалам дела и возложил ответственность на колхоз без достаточных к тому оснований, чем нарушил ст. ст. 127, 197 ГПК УССР.

Исходя из вышеизложенного, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР определила:

Отменить решение Черниговского областного суда от 9 февраля 1949 г. и определение Верховного суда УССР от 28 февраля 1949 г., а дело передать на новое рассмотрение в тот же областной суд в ином составе судей с участием прокурора

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Руководящие указания Пленума Верховного суда СССР	1
Постановления Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам	5
Определения Судебной коллегии Верховного суда СССР по уголовным делам	16
Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР	35

СПбГУ

Редактор **А. А. ВОЛИН**

Издатель: Государственное издательство юридической литературы.
Москва, Таганская ул., Товарищеский пер., 19. Тел. Ж 2-46-67.

А-05476. Сдано в производство 14/VIII 1950 г. Подписано к печати 8/IX 1950 г.
Уч.-изд. л. 3,85. В печ. л. 59440 зн. Бумага $70 \times 108^{1/16} = 1,5$ бум. — 4,11 печатн. л.
Заказ 1650 Тираж 32 000 Цена 1 руб. 50 коп

Технический редактор **Е. Н. Косарева**

13-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Гарднеровский пер., 1а.

ОПЕЧАТКИ,

замеченные в № 9 журнала „Судебная Практика Верховного
суда СССР“.

Страница	Колонка	Строка	Напечатано	Должно быть напечатано
31	правая	5 снизу	Не могли участвовать в качестве свидетелей	и могли участвовать в качестве свидетелей
33	левая	8 снизу	по ст. 109, ч. 2, ст. 117 УК РСФСР ст. 2 упомянутого указа	по ст. 109, ч. 2 ст. 117 УК РСФСР и ст. 2 упомянуто- го указа.